

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

АНДРЕАС ГРУБЕР

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Девочку нашли спустя год. Ее спина покрыта зловещими татуировками.
Но она упорно молчит о пережитом...

Андреас Грубер — автор триллеров международного класса,
до дрожи страшных, запутанных и поразительно увлекательных.

Kronen Zeitung

Андреас Грубер

Смертный приговор

Серия «Мартен С. Снейдер», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37927899

Смертный приговор / Андреас Грубер: Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-08260-2

Аннотация

В лесу на окраине Вены семейная пара, приехавшая в свой пригородный дом, находит обнаженную исхудавшую девочку. Вся ее спина покрыта татуировками с мотивами из «Ада» Данте. Полиции удастся выяснить, что это одиннадцатилетняя Клара, пропавшая год назад. Но девочка упорно молчит о прошедших двенадцати месяцах.

Тем временем молодая сотрудница мюнхенской полиции Сабина Немез начинает обучение на курсе для высокоодаренных молодых кадров. Ее преподаватель – опытный голландский профайлер Мартен С. Снейдер. Суть методики его обучения заключается в том, что со студентами он разбирает нераскрытые преступления. Вскоре Сабина вместе со Снейдером погружается в расследования трех жутких дел, которые лишь на первый взгляд не имеют ничего общего. А когда прослеживается связь с похищением той самой девочки в Вене, границы между теорией и практикой окончательно размываются...

Содержание

Пролог	4
I. С воскресенья, 1 сентября, по понедельник, 2 сентября	8
II. Вторник, 3 сентября	96
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Андреас Грубер

Смертный приговор

Посвящается

*Петеру Хиссу и Томасу Фрëлиху. Спасибо, что
вы вдохновили меня на романы о Снейдере.*

*Изучай своего врага пристально, потому что
тебе суждено стать таким же, как он.*

Поговорка

Пролог

Силы ее были на исходе, но она продолжала бежать. Легкие нестерпимо жгло. Сколько она уже не дышала свежим воздухом? Только подвальная вонь семь или восемь месяцев. А может, и дольше? В любом случае целая вечность.

Колючки и шипы царапали руки и ноги. Ветка хлестнула по бедру и рассекла бледную кожу. Камни и иголки впились в босые ступни. Она чувствовала болотный запах и ощущала холодную лесную почву.

Прочь, прочь отсюда!

В боку кололо, словно кто-то пытал ее раскаленным шампуром. Только бы не лишиться сознания. Пока она еще способна передвигаться, нужно идти вперед. В какой стороне

поляна? Ее охватила паника, потому что она понятия не имела, куда бежит и когда закончится лес.

Некоторое время казалось, что деревья редеют, потому что вечернее солнце проглядывало между ветвями, но теперь снова стало темно. По ее щекам катились слезы. Она идет в неправильном направлении? Нужно развернуться? Существует ли вообще *правильный* путь? Она должна наконец-то найти людей, встретить какого-нибудь туриста, а может, даже выйти к дому. Тогда она будет в безопасности. Она ни за что не хотела возвращаться в подвал. Этой боли она больше не вынесет.

Бедром она зацепилась за колючий куст и резко дернулась в сторону. Вскрикнула и побежала дальше, чувствуя, как кровь стекает вниз по ноге. На коже выступил холодный пот. От ветра ее бил озноб. Внезапно деревья перед ней расступились, и низко висящее солнце на мгновение ослепило.

Шатаясь, она неуверенно направилась к поляне. Под ногами у нее оказалась утоптанная тропинка с растрескавшейся сухой землей. Она пошла по этой тропинке. Заметила на одном из деревьев – желтые и фиолетовые сорняки проросли между его корнями – деревянную табличку со стрелкой и надписью: «2 км до Вены». Она ускорила шаг и наконец увидела бревенчатый дом со старыми оконными ставнями, замшелой кровлей и высокой каминной трубой.

Участок земли перед домом был обнесен ветхим штакетником. Рядом стоял автомобиль. Открытый багажник напо-

минал пасть жестяного монстра. В машину села женщина. Мужчина захлопнул крышку багажника. Она не могла поверить своему счастью и побежала быстрее.

– *Помогите!* – прохрипела она, но ее не слышали.

Они что, глухие?

– *Помогите! Я здесь!* – Она попыталась поднять руки, но силы покинули ее.

Мужчина тоже сел в машину.

– *Помогите!* – крикнула она из последних сил.

Мужчина завел мотор. Она подбежала ближе и оказалась в тени дома, дрожа всем телом. Автомобиль тронулся с места и на секунду осветил ее фарами. Затем снова наступила темнота.

Когда автомобиль, взвизгнув тормозами, остановился, она в изнеможении упала. Она чувствовала траву и землю на губах. Ее веки дрожали.

Хлопнула дверь, и кто-то направился к ней.

– Отто, мне не показалось! Иди сюда! Здесь кто-то лежит.

Женщина опустилась рядом с ней на колени. В воздухе стоял запах лаванды. Пальцы коснулись ее лба и откинули в сторону прядь волос.

– Это ребенок. Ей не больше десяти лет.

– Господи! – воскликнул мужчина. – Девочка же абсолютно голая и ужасно исхудавшая.

– Принеси плед из машины. Отто, ты только взгляни на ее спину. О боже, почти вся спина! – ужаснулась женщина. –

Я такого никогда не видела. Ради всего святого, что с ней произошло?

– Кто мог сотворить такое? – пробормотал мужчина.

– *Пожалуйста, не прикасайтесь!* – закричала она. – *Очень больно!*

– Отто, посмотри. Она шевелит губами. Что с тобой произошло?

– *Помогите же мне!*

– Что с тобой случилось, девочка? Скажи что-нибудь.

– Оставь ее, – буркнул мужчина. – Ты же видишь, что она не говорит. Я думаю, она немая. Помоги мне, ей срочно нужно в больницу.

Женщина поднялась и опасливо посмотрела в сторону лесной опушки.

– А не та ли это девочка, которая пропала здесь год назад?

I. С воскресенья, 1 сентября, по понедельник, 2 сентября

Вся жизнь есть страдание.
Артур Шопенгауэр

1

Большую часть года Висбаден казался местом, где никак не может произойти ничего плохого, – умиротворяющий образ складывался из школ, больниц, реабилитационных клиник, аллей и широких торговых улиц.

Но в этот ночной час курорт с термальными купальнями и минеральными источниками погрузился в глубокий сон и демонстрировал совсем другую свою сторону. Дождь хлестал в лобовое стекло машины Сабины, и фары лишь едва выхватывали из темноты размытые фасады домов.

«Дерьмовая погода!» С волос Сабины стекала вода, одежда промокла до самого нижнего белья. Гнусавый голос Клауса Кински, который она загрузила для навигатора, вел ее по городу. Она ехала мимо изысканных магазинов, на посещение которых у нее вряд ли когда-то будет достаточно денег. Но в настоящий момент у нее все равно не было настроения

для шопинга. А вот что ей сейчас действительно необходимо – так это горячая ванна и сухая одежда.

Пять часов назад она выехала из Мюнхена и слушала в машине радио. За несколько километров до Висбадена лопнула левая передняя шина, и Сабине кое-как удалось остановить машину на обочине. Она позвонила в аварийную службу, но те могли приехать только часа через два. После выполнения более ранних заявок. Поэтому она вышла под проливной дождь, чтобы вытащить из багажника светоотражающий жилет и обозначить место аварии предупредительным треугольником.

Никто не остановился, чтобы узнать, почему ее машина стоит на обочине с включенной аварийной сигнализацией. Проезжающие мимо автомобили раз за разом окатывали ее водой, пока она сидела на корточках и, ругаясь, поднимала домкратом машину, отвинчивала крестовым ключом гайки и устанавливала запасное колесо на передний мост.

Все это время ее мучили сомнения, правильно ли она поступает. И так уже промокнув до нитки, она могла бы пройти сейчас два километра пешком до ближайшего съезда и дожидаться аварийную службу на заправке, попивая кофе. Но у нее не было столько времени. Не сегодня вечером! К тому же ее джинсы были в грязи, руки в масле, а в обувь набралось столько воды, что она ощущала себя лягушкой. Наверное, скоро между пальцами на ногах вырастут перепонки.

До этого она никогда не задумывалась, достаточно ли во-

обще воздуха в ее запасной шине. Воздуха, разумеется, было маловато, но с шиной, которая выглядела как проколота-надувная лодка, она разве что смогла съехать с автобана. Громко ругаясь, Сабина затянула гайки и загрузила поврежденную шину в багажник. В общей сложности она потеряла больше часа.

Забравшись наконец в машину, она вытерла воду с лица. Мельком взглянула в зеркало заднего вида и убедилась, что выглядит как проигравшая турнир по боям в грязи.

Вот дерьмо!

Сабина завела мотор. Из динамиков тут же зазвучал хип-хоп. Эту дрянь она слушать не станет. Сейчас ей нужно что-нибудь ободряющее, мотивирующее, поэтому она вытащила из бардачка и вложила в CD-проигрыватель аудиокнигу Ника Хорнби. Из динамиков раздался голос Маттиаса Швайгхёфера, и через мгновение в мире снова воцарился порядок. Съехав с автобана, она даже нашла заправку, где удалось накачать запасную шину.

Через пятнадцать минут Сабина доехала до центра города, теперь ее навигатор показывал, что нужно покинуть автомагистраль, которая вела через Висбаден, чтобы ехать в направлении Гайсберга. Это была ее цель, там она проведет следующие два года. К тому же снова увидит Эрика. В шестнадцать лет они были парой. Она любила вспоминать то время, но после окончания школы Эрик пошел служить в бундесвер и сейчас, после многолетней учебы, работал комисса-

ром в висбаденском БКА – Федеральном ведомстве уголовной полиции. Год назад они снова сошлись – отношения на расстоянии Висбаден – Мюнхен, из которых, однако, ничего путного не вышло. Поэтому она с тяжелым сердцем завершила их месяц назад. Эрик еще даже не знал, что она приезжает. Сабина хотела его предупредить, но уже целую неделю не могла с ним связаться – ни по мобильному, ни по Интернету. Возможно, у него новый номер или его неожиданно направили в командировку за границу. В любом случае она надеялась, что теперь у их отношений появится новый шанс... если он этого вообще захочет.

Когда Сабина добралась до самой высокой точки Гайсберга, где начинались владения Федерального ведомства уголовной полиции, она выключила проигрыватель, и голос Маттиаса Швайгхёфера смолк. Сквозь дождь виднелись высокий забор, стальные ворота, шлагбаумы и камеры видеонаблюдения, которые окружали территорию. Таерштрассе, узкая глухая улочка, вела к участку и заканчивалась разворотным тупиком с несколькими парковочными местами для посетителей. Отсюда многоэтажное офисное здание со стеклянными коридорами разделялось на несколько секций. Весь комплекс напоминал современную крепость.

Сабина припарковалась, сняла светоотражающий жилет и вылезла из машины. Под дождем взбежала по лестнице к главному входу, прошла мимо охранника и затем миновала вертящуюся дверь. Ее встретил неоновый свет. В десять ве-

вчера холл выглядел почти вымершим. Слева находился пост вахтера, справа сканер в полный рост, за ним зона, где проверяли сумки. Перед турникетом-вертушкой стояли женщины и двое мужчин в форме и с оружием – сотрудники службы внутренней безопасности. Рации у них на поясах издавали прерывистый шум и потрескивание. На настенном мониторе демонстрировался информационный рекламный ролик. В каждом углу висела камера с табличкой «Ведется видеонаблюдение». Ресепшен выглядел таким же гостеприимным и дружелюбным, как зона досмотра пассажиров перед выходом на посадку в аэропорту после предупреждения об угрозе теракта.

Она откинула мокрые коричневые волосы с лица и наклонилась к прорези в большой стеклянной перегородке.

– Сабина Немез. – Капли дождя стекали с ее волос на стойку. – С завтрашнего дня я начинаю учебу в академии.

Вахтер, тоже в униформе и с оружием, подкатился на своем вращающемся стуле к прорези и взглянул на монитор компьютера.

– Вы поздно.

– Я знаю. Может, у вас найдется для меня полотенце?

Лишь теперь он поднял на нее глаза: на вид около пятидесяти, черные волосы, короткая бородка и южные черты лица. На бейдже, прикрепленном к рубашке, значилось: «И. Фальконе». Наверное, Игнацио или Инносенцо?

– В общежитии вы найдете все необходимое. Но прежде

всего мне нужен ваш паспорт и разрешение.

Скорее, Игнорант!

Сотрудники службы внутренней безопасности наблюдали за ней, не сходя с места. Сабина заметила напряжение на их лицах. Она вытащила паспорт и разрешение из кармана куртки и просунула все в прорезь. Уже много раз она послала свое резюме в БКА и все время получала отказ, но теперь, в двадцать восемь лет, точнее, два дня назад в пятничное утро, она неожиданно узнала, что ее допустили к учебе в академии для особо одаренных молодых кадров в качестве комиссара-стажера уголовной полиции и что семестр начинается завтра.

Конечно, это было странно. Уже только потому, что ежегодно тысячи молодых людей подавали заявления на зачисление в академию, но только пятьдесят получали места. И вот теперь, после того, как БКА много лет отклоняло ее резюме, Сабину вдруг допустили к учебе здесь – и к тому же без единого вступительного экзамена. За этим стоит Эрик?

Вахтер тщательно проверил ее документы. Затем поднял на нее свой острый подбородок.

– Пункт выдачи в это время уже закрыт, поэтому вы получите документы и снаряжение здесь.

Фальконе просунул в прорезь ее новый служебный жетон и заламинированное служебное удостоверение со встроенным чипом, защищенным от подделки. А также именной бейдж с зажимом.

– Это вас легитимирует в академии. С прошлой недели в здании действует повышенный уровень безопасности. Поэтому всегда носите удостоверение на ленте так, чтобы его было хорошо видно, тогда проблем не возникнет, – пробубнил он сучающим голосом, словно повторял сегодня это предложение уже в пятидесятый раз.

Тут дама из службы внутренней безопасности вышла из оцепенения и достала из ящика за стойкой, куда Сабина не могла заглянуть, несколько предметов и разложила их перед Сабинной.

– Я уже решила, что эти вещи лишние, – объяснила женщина.

Сабина узнала «ЗИГ-Зауэр 229» в защитной кобуре с затвором и спусковым крючком. В полиции Мюнхена ей выдали «хеклер-и-кох», но переучиться на «ЗИГ» будет несложно.

Женщина положила сверху магазин.

– Боевые патроны? – спросила Сабина.

Женщина улыбнулась своим коллегам.

– Всего одну минуту здесь и уже хочет боевые патроны. Это учебный магазин для тренировок, фрау комиссар. – Потом она выложила на стойку еще один магазин. – Вот патроны Action.

Их Сабина тоже знала. Старые пули пробивали тело, а эти останавливались сразу после столкновения и детонировали в тканях.

Женщина достала темно-синюю куртку БКА, застегивающуюся на липучки, спортивную сумку, наручники, баллончик с перцовым газом и телескопическую дубинку. Сабина должна была расписаться в получении. В это время Игнорант Фальконе выдвинул через стеклянное окошко на стойку кучу учебных пособий, расписание занятий и план помещений, с помощью которых Сабина должна была ориентироваться в молохоподобном здании БКА.

Он хлопнул ладонью по стопке и ободряюще посмотрел на Сабину.

– Если у вас появятся вопросы, пожалуйста, не обращайтесь ко мне. Здесь все написано. – Затем он положил сверху еще одну папку и скривил рот. – А, специальность «Криминалистический анализ». Значит, Мартен Снейдер возьмет вас под свое крыло.

– Мартен С. Снейдер, – поправила его женщина из службы внутренней безопасности. – Поздравляю! – добавила она без особого воодушевления.

Сабина открыла папку и тут же наткнулась на список имен.

– Только пять студентов попали на этот курс?

– А больше никогда и не бывает, – заметил вахтер. – Остальные распределены на другие специальности. Но вы успеете познакомиться со своими коллегами; учебные планы отчасти пересекаются. Вот соглашение о конфиденциальности и неразглашении информации. – Он пододвинул ей лист

бумаги. – Подпишите и возьмите завтра с собой на первое занятие.

Затем он выставил на стойку биометрический сканер.

– Обе руки, на каждой – большой палец, указательный и средний. Мы берем по шесть отпечатков пальцев у всех сотрудников, чтобы...

– Да, я знаю, – прервала его Сабина и приложила первый палец к сканеру. *«Чтобы на месте преступления можно было отсеять отпечатки собственных людей».*

По окончании процедуры Фальконе снова убрал сканер за свою стойку.

– Хорошо, вы зарегистрированы. Добро пожаловать в Академию. Кампус расположен напротив главного здания. – Он указал на выход.

Вот как все просто!

Вахтер вручил ей магнитную карту-ключ от ее комнаты с номером пятьдесят. Кто приехал последним, получает оставшееся жилье. Хочется надеяться, что это не какой-нибудь клоповник. Как студентка она будет получать только девятьсот евро в месяц, зато жилье бесплатное. Сабина расторгла договор аренды своей мюнхенской квартиры – но так как сообщение о приеме в академию пришло неожиданно, письмо еще не дошло по почте. О квартире она ничуть не сожалела. Сабину гораздо больше огорчало, что она долго не увидит своего отца и сестру, а главное, трех племянниц пяти, шести и восьми лет, которые выглядели как образцовый выводок –

мал мала меньше – и которые всегда так гордились своей тей Виной. Но зато у нее будет возможность чаще видаться с Эриком.

– У меня еще один вопрос, – сказала Сабина, укладывая оружие и учебные пособия в спортивную сумку.

Вахтер кивнул на бумаги:

– Там все написано.

– Возможно, – ответила она. – Вы не знаете, комиссар уголовной полиции Эрик Дорфер находится сейчас за границей или в отпуске?

Фальконе окинул ее взглядом, словно хотел сказать: «Синьорина, я похож на того, кто знает служебное расписание всех двух тысяч здешних сотрудников?»

Но, очевидно по выражению ее лица, он понял, что ей это было важно – или же она просто вызвала у него жалость в своей насквозь промокшей одежде и с перепачканными в машинном масле руками.

Без комментариев он пощелкал клавишами и взглянул на монитор.

– М-м-м. – Он скривил рот. – Дорфер на больничном. Лежит в госпитале Святого Иосифа.

– Здесь, в Висбадене?

Он поднял на нее глаза.

– Да, мне очень жаль. Больше я ничего не знаю. – Затем не удержался и съязвил: – И отвезти вас туда я тоже не могу.

Сабина проигнорировала его тон. Краем глаза она заме-

тила, что трое сотрудников службы безопасности беседовали между собой. Наконец от группы отделилась женщина и подошла к Сабине.

– Вы хорошо знаете Дорфера?

– Да, он... мой друг, мы вместе ходили в школу.

– Когда вы видели его в последний раз?

Сабина ненадолго задумалась.

– Около месяца назад, когда он приезжал в Мюнхен. А что?

– Мы говорили о нем только сегодня днем. Думаю, вы должны знать. Он лежит в реанимации.

Сабину словно обухом по голове ударили. Она недоверчиво уставилась на женщину.

– Мне очень жаль. – Сотрудница полиции понизила голос, и новый, мягкий, сочувствующий, тон совершенно ей не подходил. – Ему выстрелили в голову, и теперь его ввели в искусственную кому.

– Что? Я... – «В Эрика стреляли?» В голове у Сабины вертелись десятки вопросов. – Это на службе?..

Женщина кивнула.

– Я не имею права вам больше ничего сообщать.

В полусознательном состоянии Сабина запихнула спортивную сумку в багажник. Она даже не заметила, что дождь снова промочил ее до нитки. Как парализованная, она вырулила с парковки для посетителей, выехала из тупика и мед-

ленно покатила на противоположную сторону – на территорию кампуса.

Она прижала свое удостоверение с чипом к сканеру, после чего автоматический шлагбаум поднялся, пропуская ее на территорию академии. Сквозь пелену дождя в свете фар показалось двухэтажное U-образное здание. Современная постройка из стали и бетона со стеклянными фасадами. Множество указателей и табличек помогали Сабине сориентироваться на территории. Слева находились фитнес-центр и плавательный комплекс с глубоким бассейном, в котором темно-синяя вода поблескивала в аварийном освещении. Посередине располагались учебные аудитории, а справа – общежитие для студентов. Здесь уж точно нет никаких клоповников. Под крышей висели многочисленные камеры видеонаблюдения. На территории перед зданием живой изгородью была огорожена посадочная площадка для вертолета.

Радость от того, что старая жизнь осталась позади, что она получила место в академии и сможет пройти двухгодичный курс учебы и тренировок, как рукой сняло.

Эрик!

Коллега из службы безопасности ответила на ее вопрос не «Я не могу вам больше ничего сообщить», а «Я не имею права вам больше ничего сообщать». Во что там Эрик, черт возьми, вляпался?

Припарковав машину, Сабина под дождем докатила чемодан до здания академии и, следуя указателям, направилась

к комнатам. Благодаря датчикам движения свет в коридорах включался автоматически. Каждое ее движение фиксировалось камерами.

Ее комната находилась в самом конце коридора. Она уже хотела открыть дверь электронной карточкой, как заметила конверт, воткнутый в дверную раму. В конверте была записка, написанная от руки.

«Приходите завтра в 7:30 в аудиторию номер 1.
Мартен С. Снейдер».

Больше ничего, и Сабина снова задалась вопросом, почему ее пригласили сюда именно сейчас.

2

На следующее утро Сабина сварила у себя в комнате чашку крепкого кофе и затем направилась по безлюдным коридорам академии в аудиторию номер 1. В семь тридцать одну она постучала в дверь и вошла.

Утреннее солнце светило в большие окна. О ночной грозе ничто не напоминало.

Помещение выглядело как типичный университетский лекционный зал, только меньше. Посередине стояла кафедра докладчика с всевозможными регулируемыми по высоте хайтековскими приамбасами. Позади висел большой экран

для видеопроектора. К потолку крепились три камеры видеонаблюдения так, чтобы в зале не было ни одного мертвого угла. Три ряда современных рабочих мест для студентов с ноутбуками, розетками и подключением к Интернету напоминали амфитеатр, поднимающийся вверх уступами.

Мартен С. Снейдер уже сидел за кафедрой, наклонив голову и погрузившись в какие-то бумаги.

– Вы опоздали, Белочка, – пробормотал он, не поднимая головы.

– Мне очень жаль. – Сабина слишком хорошо знала Снейдера, чтобы понимать, что он не шутит. Она огляделась. К счастью, кроме них со Снейдером, в аудитории больше никого не было. Еще год назад она ненавидела, когда он называл ее Белочкой. Он абсолютно точно знал, что ее отец придумал для нее это прозвище из-за густых каштановых волос и больших глаз миндального цвета, – и она запретила Снейдеру называть себя так, однако он намеренно ее запрет игнорировал.

Снейдер отодвинул папку в сторону и положил свои большие, как тарелки, руки на кафедру.

– Добро пожаловать в Висбаден. Я надеюсь, что вы не пожалеете о своем решении приехать сюда. – В его голосе отчетливо слышался голландский акцент с растянутым «Л».

– А почему я должна пожалеть? – Снейдер знал, что она мечтала работать в Федеральном ведомстве уголовной полиции.

Он смерил ее холодным взглядом.

– Здесь вас выдрессируют и превратят в хорошо подготовленную собаку-ищейку, которая бросается по команде «фас!». Сдружитесь с этой мыслью.

С их последней встречи, когда Снейдер привлек ее к расследованию одного преступления, прошло больше года, но в его внешности ничто не изменилось. Ростом он был чуть больше метра восьмидесяти, на его худой фигуре болтался дизайнерский костюм. Сабина знала, что ему сорок семь лет, но уже тогда он выглядел старше. Работа сказалась на нем. Тонко выбритые бакенбарды начинались возле ушей и узкой полоской шли до подбородка. Этот контраст с лысиной и бледным лицом, которое уже несколько лет не видело солнца, создавал эффект черно-белого фильма.

Снейдер был лучшим профайлером БКА, и Сабина задавалась вопросом, почему именно такой циничный мизантроп, как Снейдер, который любого разбирал по косточкам, занимался тем, что обучал молодые кадры.

– Мысль о том, чтобы стать собакой-ищейкой, должна меня расстроить? – спросила Сабина.

– Зависит от вас. Вы знали, что звери в цирке в среднем живут дольше, чем звери в зоопарке? – Он откинулся назад. – Их тренируют и перед ними ставят определенные задачи. Они служат какой-то цели. Осознанное занятие продлевает жизнь.

– Вы именно поэтому преподаете в академии?

Снейдера это замечание не впечатлило.

– Смысл жизни в том, чтобы придать жизни смысл, не так ли? Не годы, а бездействие и отсутствие интереса старят нас. – Он похлопал по стопке папок. – Это личные дела. Придать студентам нужную форму – тяжелая работа.

Сабине не хотелось обсуждать эту философскую ерунду – тем более в такую рань.

– Зачем вы меня вызвали?

– Вам наверняка было любопытно снова взглянуть на меня.

У нее заходили желваки на щеках. Снейдер несколько не изменился.

– Вообще-то...

– Приятно, что я смог удовлетворить ваше любопытство.

– Хм-м-м-м... – Сабина шумно выпустила воздух.

– Почему такое раздражение?

– Я впустую трачу здесь свое время. Вступительная лекция начинается в девять часов, и перед этим я хотела навещать Эрика в больнице.

– Боже мой, сама наивность. – Он криво усмехнулся. – Двое коллег приставлены к палате охранять его. Без специального разрешения вы и приблизиться не сможете к отделению.

Сабина не очень любила Снейдера, однако в ее памяти о нем сохранились более приятные впечатления. По крайней мере, он мог бы выразить сочувствие, вместо того чтобы уни-

жать.

– Вы были вместе с Эриком Дорфером, верно?

«Были»? Видимо, он знал о том, что они расстались.

– Я хотела помириться с ним, – объяснила она.

– Дела у него не очень хороши, вы наверняка уже знаете.

Ее сердце сдавило железным корсетом.

– Почему в него стреляли?

Не ответив, он вытащил из ящика розовый листок, который заполнил и подписал. Передал листок Сабине.

– С этим разрешением на посещение вы пройдете через пост охраны в палату Эрика.

– Спасибо. – Она взяла листок и направилась к двери. На полпути обернулась.

– Но вы можете мне сказать?..

Он указал на дверь.

– Обычно выход там же, где и вход. – В следующий момент Снейдер уже снова был погружен в досье студентов.

3

Госпиталь Святого Иосифа находился недалеко от Гайсберга – в нескольких минутах езды на машине. Сабина вошла в отделение реанимации и показала свое разрешение. Санитар провел ее к палате Эрика, перед которой стояли двое полицейских. Один из них со стрижкой «ежиком» и квадратным лицом напоминал шкаф. Сложно сказать, бы-

ло ли у него под пиджаком оружие.

– Ваша фамилия? – спросил он с бесстрастным лицом.

Она показала ему свое удостоверение БКА.

– Я... подруга Эрика, – солгала она, потому что так надеялась получить больше информации. Затем она протянула свое гостевое разрешение.

Полицейский приподнял густые брови.

– Подписано самим Снейдером. – Бросил взгляд на коллегу.

Очевидно, он был впечатлен.

– Вы знаете, почему в Эрика стреляли?

– Я не уполномочен предоставлять вам данную информацию.

Впечатлен, но не настолько. Он открыл для нее дверь, и Сабина вошла в палату.

Жалюзи были опущены. Единственным звуком было пищание аппаратуры. Эрик находился в искусственной коме, подключенный к многочисленным приборам и с маской на лице. Сабина присела на кровать и стала рассматривать его. С одной стороны из-под повязки выбивались светлые волосы. С другой его наверняка обрили. Тень трехдневной щетины лежала на заострившемся подбородке.

Сабина коснулась его щеки. Шероховатая кожа была прохладной. Ей казалось, что Эрик вот-вот откроет глаза, но они оставались закрытыми. Только длинные ресницы беспокойно подрагивали. Он выглядел таким уязвимым – от крепко-

го парня, каким она видела его еще несколько недель назад, не осталось и следа. Но худшее в этой ситуации было то, что она не могла ему помочь вернуться в реальность.

– Ну почему у нас ничего не вышло? – прошептала она. Все вдруг показалось ей таким сюрреалистичным. Одиннадцать месяцев они мотались между Мюнхеном и Висбаденом или просто встречались на один день где-нибудь на полпути, чтобы побыть вместе – но им тут же приходилось расставаться. Сабина уже собиралась уволиться из Мюнхенской полиции и перевестись в Висбаден. Работая следователем в оперативном отделе, она всегда первой оказывалась на месте, выясняла, было ли совершено преступление, ограждала территорию, снимала отпечатки, опрашивала свидетелей и готовила факты для коллег из отдела по расследованию убийств. Она все равно не хотела заниматься этим всю жизнь.

Но в отношениях с Эриком вдруг возникла напряженность. Можно ли вообще сказать, что они отдалились друг от друга? Они ведь никогда по-настоящему и не сближались.

Сабина бережно держала его за кисть руки, в тыльную сторону которой была воткнута игла капельницы.

– Мне нужно было всего лишь подождать еще один месяц.

Сабина знала, что Эрик сильнее страдал из-за их расставания, чем она. Сабина всегда предпочитала конец с болью, чем боль без конца. Но это вовсе не означало, что она легко справилась с тоской. Просто больше не могла этого вынести. Ей нужна была перспектива. Теперь перспектива появилась.

Предложение поступить в БКА все изменило. Но почему это не произошло месяцем раньше?

– Ты, дурачок, конечно же с головой окунулся в работу. Это был твой способ справиться с нашим расставанием? – Она смахнула слезу со щеки и заметила, какие у нее ледяные пальцы.

Несмотря на повязку, Эрик по-прежнему выглядел озорным. Ее баварское восклицание «*Jo mei*»¹ смешило его еще в школе и наверняка заставило бы улыбнуться и сегодня. Она посмотрела на приборы, которые показывали кровяное давление, частоту сердечных сокращений и температуру тела Эрика. Искусственное питание поступало через желудочный зонд.

– *Jo mei*, – сказала она, сжала его руку и расплакалась.

Спустя полчаса Сабина вышла из палаты Эрика. Через двадцать минут начнется вступительная лекция в академии – а Снейдер не терпел опозданий.

Когда она шла по коридору, перед ней со звуковым сигналом открылись двери лифта. Из него вышел врач в белом халате и направился ей навстречу. Он был худощавый, с узким лицом. Как замороженная она уставилась ему в глаза. Они были налиты кровью и слегка навывкате, как при базедовой болезни. Кроме того, под глазами набрякли большие темные

¹ Восклицание удивления, приблизительно соответствует «вот тебе на!», «подумать только!».

мешки. Мужчина, несомненно, слишком мало спал. «Надеюсь, это не лечащий врач Эрика».

Сабина вошла в лифт и нажала на кнопку первого этажа. Прежде чем двери успели закрыться, она увидела, как он кивнул обоим охранниками и скрылся в палате Эрика.

4

Мартен Снейдер вошел в лекционный зал ровно в девять часов и ни секундой позже. Сабина знала, что он не только думает так же точно, как часовой механизм, но и действует соответствующе. Не удостоив аудиторию даже взглядом, он прошагал на своих длинных ногах к кафедре.

Кроме Сабины на курсе было еще четыре студента. Она сидела во втором ряду, соседнее место было свободно. Рядом с безучастным видом развалилась молодая женщина и грызла ручку. В первом ряду сидели остальные трое: одна женщина и двое мужчин примерно того же возраста, что и Сабина, – около тридцати. У них был критический взгляд и, как показалось Сабине, минимум четыре-пять лет опыта за плечами. Она наблюдала за поведением своих коллег. Никто не шутил, казалось, все воспринимают происходящее очень серьезно.

Снейдер оперся длинными руками о кафедру, наклонился вперед и оглядел присутствующих.

– Хочу прояснить раз и навсегда: я плюю на корректные с

гендерной точки зрения понятия типа студентки и студенты. Для меня вы все студенты. Если вам это не нравится, можете обратиться с жалобой к президенту БКА Хессу. Но я вас предупреждаю! Список жалоб к моей персоне длинный. — Он застыл в принятой позе.

Сабина посмотрела через широкое окно на вертолетную площадку. Кусты гнулись от ветра.

— И сразу второй момент, и это также касается вас, госпожа Немез: в академии много разных направлений. Вы выбрали оперативный криминалистический анализ. Мы не профайлеры, а полицейские аналитики, специалисты, занимающиеся случаями похищения людей, и судебные психологи-криминалисты. Мы должны не только владеть аналитическим мышлением, но и докапываться до самой сути дела. — Его взгляд скользнул по головам студентов, и в следующий момент на лице появилась любезно-презрительная улыбочка, которой он так великолепно владел. — Я изучил ваши до-сье. Все вы якобы незаурядно умны, но на мой взгляд все равно сырой материал. — Он посмотрел на присутствующих и вздохнул. — Не могу сказать, что я счастлив видеть вас на своем курсе, но попытаемся найти компромисс.

Снейдер на секунду закрыл глаза и помассировал виски. Он выглядел скверно. Охота за убийцей была для него лекарством от ужасных кластерных головных болей, которые в несколько раз сильнее мигрени и которые он пытался подавить с помощью наркотиков. В это утро настроение у него

было скверным, вероятно, потому, что он уже давно не गयाлся ни за каким преступником.

– Учеба на моем курсе чрезвычайно интенсивна, – продолжал он, не поднимая головы. – Вам придется не просто продираться вперед, как коллегам на других специальностях, вы будете по-настоящему страдать, это я вам обещаю.

– Хорошенькое начало, – едва слышно пробурчала соседка Сабины.

– Вы хотите что-то сказать, Мартинелли?

– Нет, – ответила та.

– Хорошо. – Снейдер даже не поднял глаз.

Сабина бросила быстрый взгляд на свою коллегу. У женщины были черные волосы, заплетенные в длинную косу, стройная, мускулистая фигура, пирсинг в носу, сбритые брови, а вместо них – татуировка в виде изогнутой линии над глазами. На шее Сабина тоже заметила татуировку, напоминающую жало скорпиона. Суровая девушка, была первая мысль Сабины. «Тина Мартинелли» было написано на ее бейдже. Из списка сокурсников Сабина знала, что ей двадцать три года и она изучала юриспруденцию.

– Привет, я Тина, – прошептала она еще тише, чем раньше. У нее был хриплый голос и итальянский акцент.

– Привет, я Сабина.

– К счастью, у большинства из вас есть кое-какой опыт, – продолжал Снейдер. – Вы пришли из земельных управлений уголовной полиции, сразу после юридического факультета

или из оперативного отдела полиции. – Снейдер взглянул на Сабину. Видимо, она была единственной, кто сумел попасть в академию из простых оперативников.

– Среди вас есть человек, который, как я предполагаю, еще никогда не видел труп и не стрелял из оружия. – Он бросил взгляд на соседку Сабины. – В БКА работают шестнадцать аналитиков. Учеба в академии длится четыре семестра, и только лучшие выдержат это испытание. Я ваш преподаватель, и меня зовут...

– Мартен Снейдер, – пробормотала Тина.

– Мартен С. Снейдер, – поправил он ее, – мои коллеги и я еще надерем вам задницу! На этом вступительная часть закончена. С этого момента с вами будут обращаться так же, как и со всеми остальными.

Тина Мартинелли отреагировала спокойно.

Снейдер сменил позу и теперь ходил взад-вперед за кафедрой.

– Согласно инструкции вы должны показывать максимальные спортивные результаты, владеть оружием и уметь быстро и адекватно реагировать во всех ситуациях. Глядя на ваши лица, я понимаю, что никто из вас не соответствует этим требованиям. Кроме того, согласно инструкции вы должны продемонстрировать отличное поведение. Но при всем неуважении, мне на это плевать!

Оба парня в первом ряду улыбнулись.

Снейдер заговорил громче:

– Мы здесь не на Венском балу, мы занимаемся расследованием экстремальных убийств. Когда весь день занимаешься только тем, что смотришь на мертвых и обезображенных людей, не можешь этим ни с кем поделиться. Нельзя вечером прийти домой и рассказать своему партнеру: «Сегодня у меня был интересный случай убийства пятилетней девочки на сексуальной почве. Не передашь мне сливки, любовь моя?» Вам понадобится стратегия, как с этим справляться. Мой совет: определите для себя эту стратегию. Без нее вам здесь не выдержать и двух лет.

Снейдер покинул кафедру и прошелся мимо первого ряда. Он на секунду остановился рядом с женщиной, которая что-то записывала в своем блокноте, вырвал листок и без комментариев смял его.

– Я открою вам тайну, чем мы занимаемся в академии. Мой коллега Конрад Бессели учит своих студентов делать все правильно. Но вы также должны научиться делать правильные вещи и думать нестандартно. И именно этому я вас буду учить. – Снейдер бросил скомканный листок в корзину для мусора.

– Это означает, что нам нельзя ничего записывать? – спросила женщина в первом ряду.

– Если вы не можете запомнить даже того, что я рассказываю на первом занятии, как вы собираетесь вникать в сложные структуры мышления серийного убийцы?

После короткой паузы он продолжил:

– Я не хочу, чтобы вы теряли мое время, поэтому говорю все один-единственный раз, и вы должны все хорошо запомнить.

Снейдер снова вернулся за кафедру.

– Вы знаете, почему находитесь здесь?

Это был риторический вопрос, никто не ответил.

– Ежегодно в академию принимают пятьдесят человек и распределяют на десять направлений. Кандидаты проходят тщательный отбор. И все равно количество провалившихся составляет семьдесят процентов.

По аудитории прокатился гул. Зачем Снейдер им это рассказывает? Сабине стало не по себе. Она не участвовала в этом строгом отборе. Уже с прошлой пятницы она подозревала, что ей досталось место другого студента, который выдержал вступительные испытания.

– В нашей академии мы растим креативные головы, критически анализируем преступления и вырабатываем новые подходы к расследованию. – Снейдер развел руки. – Поверьте мне, через несколько месяцев передо мной будут сидеть только двое или трое. Почему? Потому что позже от вас будут зависеть человеческие жизни. И у меня есть собственные, особенные методы, как отобрать действительно пригодных для такой работы кандидатов.

Сабина ни секунды в этом не сомневалась. Она уже сталкивалась с методами Снейдера. С одной стороны, он был гений, с другой – презирающий людей говнюк. Объединять

в себе две положительных черты – гениальность и человечность – было, видимо, невозможно даже для такого корифея, как Снейдер. Большинство студентов еще понятия не имели, как он обращается с людьми. Она, к сожалению, уже знала.

Снейдер оглядел присутствующих.

– Вопросы есть?

Все промолчали.

– Хорошо...

Тут Тина подняла руку.

– Можно кое-что спросить?

– Вы это уже сделали.

Тина посмотрела на него без эмоций.

– Давайте уже, коллега Мартинелли, но кратко.

– Почему вы преподаете в академии, если считаете нас всех идиотами?

Коллеги в первом ряду одобрительно закивали.

– Думаешь, что повстречал уже достаточно наглецов, – пробурчал Снейдер себе под нос, – однако новые всезнайки все равно находят дорогу в академию.

Какой комплимент! Сабина заметила возмущенные лица своих коллег. Добро пожаловать в мир Снейдера!

– Резонный вопрос, который я сам себе часто задаю, фрау Мартинелли, – наконец ответил Снейдер. – Кто в старости никого не учит, не оставит после смерти памяти о себе. Такой ответ вас устроит? А теперь я задам вам вопрос. Почему вы здесь?

– Чтобы через пару лет хвастаться, что закончила ваш курс.

Это прозвучало иронично. Сабина не смогла сдержать улыбку.

Снейдер наклонил голову.

– Хороший ответ. – На мгновение Сабине показалось, что он тоже улыбнулся. Снейдер взглянул на свои часы Swatch в цветах голландского флага. – На данный момент мы закончили. Остаток занятия вы посвятите тому, чтобы ознакомиться с убийствами, которые получили название Centipede, то есть «Многоножка». Захватите с собой подписанное соглашение о конфиденциальности. Мы увидимся с вами ровно в пятнадцать часов. Тот, кто опоздает или придет без подписанного соглашения, вылетит с занятия. – Он развернулся и покинул аудиторию.

Какое-то время в помещении стояла тишина. Некоторые шумно выдохнули. Сабина откинулась на спинку стула и ждала. Студенты стали собирать свои бумаги и пособия, и постепенно слышались первые комментарии: «хуже, чем ожидалось» или «высокомерный ублюдок». Но Сабина знала, что все прошло вполне безобидно. Снейдер умел и по-другому. Все равно реакция студентов была понятна. С одной стороны, Снейдер не слишком-то располагал к себе людей, с другой – здесь сидели не прыщавые подростки-ботаники, а коллеги, большинство из которых уже имели большой профессиональный опыт. И хотя Тина была младше других,

она тоже не казалась наивным цыпленком, только что вылупившимся из яйца. И вот им пришлось выслушать от Снейдера, что половина из них мусор, который ему нужно будет отсеять.

– Не такой уж он и мерзкий, – неожиданно сказала Тина рядом.

– Подожди делать выводы. – Сабина взяла свою папку и первой вышла из аудитории.

У лифта она увидела, как Снейдер разговаривает с каким-то высоким седым мужчиной.

– Между прочим, наше предложение раздать новые мобильные раньше запланированного срока пока ни к чему не привело, – сказал седоволосый.

Сабина подходила ближе.

– Поэтому я предложил Хессу установить камеры также на территории кампуса, в подземном гараже и на лесных маршрутах. – Двери лифта открылись, Снейдер вошел в кабину и исчез.

Сабина как раз хотела проскользнуть мимо седого мужчины на лестничную клетку, как тот вдруг обернулся. На мгновение она оторопела. У мужчины было небритое обветренное лицо с глубокими морщинами и один зоркий и острый глаз; на другом он носил черную повязку, из-за чего выглядел грубо. Мужчина воспользовался ее замешательством и взглянул на бейдж.

– Значит, вы Сабина Немез... – произнес он и протянул

ей руку. Его кожа была шершавой, рукопожатие крепким.

– Добрый день. – Сабина искала глазами бейдж с именем, но не нашла.

– Я о вас слышал. Хорошая работа. Мартен проронил пару слов – а он это редко делает. Должно быть, вы его впечатлили. Правда, вы меньше, чем я думал.

Много ли этот мужчина знал о том, что они со Снейдером сделали? И не такая уж она маленькая. Метр шестьдесят три сантиметра.

– Я надеюсь, вы соответствуете требованиям. – Мужчина похлопал ее по плечу, затем пошел по коридору.

Сабина смотрела ему вслед. У мужчины была неровная походка. Он слегка прихрамывал. Возможно, из-за травмы нога не сгибается в колене.

Тут к ней подошла Тина:

– Ну, уже подружилась?

Сабина помотала головой:

– Понятия не имею, кто это.

– Ты его не знаешь? – Тина усмехнулась. – Чему вас только учат в ваших оперативных отделах. Это был второй профайлер, который обучает другую группу. Тот, кто ввел в Германии криминалистический анализ и составление психологических портретов убийц. Бывший учитель и ментор Снейдера. Конрад Вессели.

Лифт поднял Мелани Дитц на шестой этаж Венской больницы. Палаты университетской клиники были знакомы ей еще с предыдущих визитов. Несколько раз в год Мелани ходила этим путем в отделение психиатрии и психотерапии, для нее это стало уже почти рутиной. Помещения были светлыми и приветливыми, с благоухающими цветами в вазах и яркими картинами на стенах. Вполне уместно, потому что уголовная полиция использовала эти комнаты для бесед с жертвами надругательств, после того как первичное лечение было окончено.

– Рядом, – прошептала она.

Золотистый ретривер послушно бежал рядом с ней, стуча когтями по полу. Псу было три года – муж Мелани подарил его ей на сорокалетие.

Некоторые мужчины, пьющие в коридоре кофе, обернулись, и Мелани задалась вопросом, прячутся ли они на собаку или на нее. Но взгляды подтвердили, что парней интересовал не пес. Хотя Мелани была уже не так молода, но ее высокая стройная фигура и длинные темные волосы по-прежнему как магнит притягивали мужчин.

Перед закрытой дверью с табличкой «Кабинет терапии № 3» беседовали врач в белом халате и сотрудник венской уголовной полиции, которого она уже знала по нескольким

совместным делам. Его фамилия была Хаузер, он стоял, скрестив на груди руки, и смотрел бесстрастным взглядом, по которому Мелани ничего не могла прочитать.

– Входить с собаками в здание запрещено, – сказал врач. – Шерсть и слюна не очень гигиеничны. Вам этого не объяснили?

«Шейла – фас!»

Солнечный нрав Мелани и ее дружелюбная улыбка иногда вводили в заблуждение, но она тоже могла дать отпор, правда, сейчас решила сдержаться.

– Конечно, объяснили. – Она протянула доктору свое удостоверение.

Сначала он изучил гостевой пропуск на отвороте ее блузы, потом его взгляд переместился на деревянное ожерелье красного дерева у нее на декольте. Для этого врачу пришлось вытянуть шею, потому что он был на голову ниже ее. Как убого, подумала Мелани. Лишь после этого он взглянул на удостоверение.

– Прокурор Мелани Дитц? – недоверчиво пробормотал он и бросил взгляд на Хаузера. Тот подтвердил лаконичным кивком.

Она в очередной раз убедилась, что при упоминании этой должности люди представляют себе мужчину с залысинами и в пошитом на заказ костюме. Но под этот устаревший стереотип она никак не подходила.

– Вы будете заниматься делом? – спросил Хаузер.

– Пока еще не могу сказать. Почему этим интересуется уголовная полиция?

– Возможно, это не единственный случай, – ответил Хаузер.

Врач вопросительно посмотрел на Мелани.

– Я специализируюсь на случаях надругательства над детьми, – объяснила она. – Я бы хотела поговорить с девочкой наедине.

Доктор поморщился.

– Должен вас огорчить, малышка ни с кем не разговаривает.

– Она немая?

– Мы не знаем. Но ее голосовые связки в порядке.

Мелани взглянула на Хаузера.

– Нам уже известно, кто эта девочка?

Полицейский покачал головой:

– Мы предполагаем, но еще не получили окончательных результатов от службы уголовного розыска.

– Хорошо, соберите, пожалуйста, все, что у нас имеется на данный момент, и принесите ее личное дело мне в палату. – Мелани указала на дверь. – Можно?

– Собака останется снаружи, – предупредил врач.

«Опять началось!»

– Это специальная терапевтическая собака для работы с детьми – жертвами насилия, – объяснила Мелани. – Такие собаки успокаивающе действуют на травмированных детей,

помогают им справиться со страхом и повышают их самооценку.

Ей очень хотелось сказать: «Эта собака за двадцать минут сделает больше, чем вы, боги в белом, за пять недель». Но она не хотела оскорблять врача. Словно в подтверждение ее слов, собака повернулась боком и гордо продемонстрировала на своей сбруе голубой значок с надписью «Терапевтическая собака».

Доктор бросил скептический взгляд на Хаузера. Тот пожал плечами.

– Дитц всегда приходит на беседы к детям с этой псиной.

Дитц! Псина! Что за выражения! Это называется терапевтическая собака. И по крайней мере, фрау Дитц. Этот примат Хаузер не весть что себе позволяет. Мелани знала, что у него нет детей, дома он держит уродливого геккона и обладает чуткостью стенобитного шара. Кроме того, в детстве его укусила такса, и с тех пор он боится собак. Вообще-то, это ему самое место в кабинете терапии – в качестве пациента. Или стойки для одежды.

Наконец врач отошел в сторону.

– С собакой или без... Девочка не будет говорить.

– Позвольте мне попробовать. – Мелани открыла дверь, но не вошла, а ослабила поводок собаки и дала ей обнюхать палату.

Запах, помещение, настроение, девочка... с такими ситуациями Шейла была знакома. Собака в ту же секунду поняла,

что в ней нуждаются, что здесь есть тот, о ком необходимо позаботиться, – и приступила к тому, что умела выполнять лучше всего: свою работу!

Мелани вошла в палату, отпустила собаку с поводка и закрыла за собой дверь.

Ретривер медленно подошел к девочке и потерся мордой о ее ногу, а Мелани остановилась и посмотрела в окно. Был чудесный день, желтые и оранжевые стены сияли в лучах полуденного солнца.

– Можно я присяду? – спросила она, но девочка не ответила. Она не сводила глаз с диктофона на столе и даже не отреагировала, когда собака легла рядом с ней на пол.

Мелани перешагнула через мягкое покрывало с медвежатами и села за стол напротив девочки. Выключила записывающее устройство и положила его в ящик.

– Меня зовут Мелани, а эта собака породы золотистый ретривер. Ей три года, и ее имя Шейла.

Мелани заметила, как девочка покосилась на пол.

– Когда я увидела ее в первый раз, она была таакоой маленькой. – Руками Мелани показала небольшой комок. – Я тут же в нее влюбилась и назвала Шейлой, потому что есть кошачий корм с таким названием, который она, кстати, очень любит.

Обычно эта история смешила детей, но девочка никак не отреагировала.

– Кошачий корм не очень подходит для собак, – пояснила

Мелани, – но иногда я позволяю Шейле съесть мисочку.

На столе стоял поднос с нетронутым обедом.

– Можно? – Мелани взяла кусок ветчины с тарелки. – Шейла?

Собака наострила уши. Мелани бросила ей кусок, и та поймала его на лету.

– Если хочешь, можешь погладить Шейлу... или даже покормить, если не боишься и тебе не нравится здешняя еда.

Девочка подняла голову, и Мелани в первый раз увидела ее лицо. По телосложению казалось, что ребенку лет девять или десять, но взгляд говорил, что она старше. Возможно, это из-за того, что ей недавно пришлось пережить.

У девочки были очень темные брови, большие черные глаза, курносый нос, веснушки и длинные каштановые волосы до пояса. Она на мгновение открыла рот, словно хотела что-то сказать, и Мелани заметила ее кривоватые резцы, которые придавали ей невероятно милое выражение. На первый взгляд можно было подумать, что у этого ребенка было беззаботное детство, но страх и страдание в глазах свидетельствовали о другом.

На девочке был надет черно-белый полосатый свитер с капюшоном. Под тканью Мелани заметила уже начавшую формироваться грудь. Когда девочка неожиданно повернула голову в сторону, Мелани испытала странное чувство. «Я же знаю тебя!» Из новостей? Нет, это было раньше. Она представила себе девочку с короткими волосами и на три года

младше.

– Клара? – прошептала Мелани.

Девочка уставилась на нее.

«Боже мой – это действительно она!»

В этот момент в дверь постучали. Вошел Хаузер и положил папку на стол. Он наклонился к Мелани и прошептал в ухо:

– Теперь мы с уверенностью можем сказать, кто она.

– Спасибо. – Мелани оставила папку на столе без внимания.

– Это...

– Спасибо!

Хаузер бросил на нее холодный взгляд, но исчез без дальнейших комментариев.

Мелани отодвинула папку в сторону и придвинулась ближе к столу. При взгляде на девочку у нее по коже побежали мурашки, а тонкие волосы на руках встали дыбом.

– Я тебя знаю. Возможно, ты меня уже не помнишь, но ты тоже меня знаешь.

Клара свесила руку вниз и как бы случайно погладила собаку по спине. Шейла довольно заурчала.

– Твоя мама и я были лучшими подругами в таком же возрасте, что и ты сейчас. Повзрослев, мы продолжали дружить, но три года назад потеряли друг друга из виду.

«Когда твоя мама познакомилась с новым мужчиной».

По реакции Клары Мелани догадалась, что девочка отлич-

но поняла каждое слово. Мелани даже убедила себя, что Клара тайно изучает ее лицо и пытается вспомнить. Но узнавание не наступило.

Господи. Ингрид вообще знает, что ее дочь здесь?

Мелани подсчитала. Кларе должно быть сейчас одиннадцать лет. Ее отец погиб во время несчастного случая на сталеплавильном заводе пять лет назад, а у матери после этого начались один за другим романы со странными типами. Возможно, это был своего рода кризис среднего возраста. Уже тогда их дружба дала трещину, но окончательно они разошлись, когда Ингрид познакомилась с сомнительным парнем, которого Мелани терпеть не могла, потому что тот слишком напоминал ее собственного отца. А что касается мужчин, интуиция редко ее подводила. Как его звали? Рудольф Брайн... или что-то в таком роде. Точно, Рудольф Брайншмидт! Паразит хуже некуда! Мелани посоветовала своей подруге не связываться с ним, но вместо этого Ингрид порвала дружбу с ней.

– Я позвоню твоей маме, чтобы она приехала сюда, – предложила Мелани.

После краткого оживления Клара снова потеряла интерес. Было еще слишком рано. Даже если Мелани не терпелось задать ей десятки вопросов, нужно было выждать. В настоящий момент лучшим собеседником для девочки была Шейла.

Собака потерлась головой о бедро Клары, и девочка неж-

но погладила ее, запустив пальцы в шерсть, словно хотела притянуть к себе любимый плед.

Пока Клара отвлеклась на Шейлу, Мелани открыла папку и украдкой заглянула в документы.

«Клара Брайншмидт, 11 лет» – значилось на листе с личными данными.

Невероятно! Ингрид действительно вышла замуж за этого типа и даже дала своей дочери фамилию нового мужа. Ниже был указан адрес проживания Клары. По-прежнему Нойваль-дегг, на окраине Вены. Та же улица, тот же дом, в котором Ингрид жила раньше и в котором они с Мелани готовились к школьным занятиям. Господи, как летит время. Со своими первыми парнями они познакомились во время поездки с классом в теннисный лагерь. Позже они ходили к одному и тому же гинекологу, напивались на Новый год и вместе начали учиться в университете – Ингрид изучала экономику, а она юриспруденцию. Когда Ингрид достаточно поздно, в тридцать один год, забеременела, она начала работать бухгалтером на дому... И вот теперь ее одиннадцатилетняя дочь сидела напротив Мелани.

Пока Клара и Шейла занимались друг другом, Мелани ли стала бумаги. Пожилая супружеская пара нашла Клару вчера около двадцати часов в Венском Лесу, после того как она исчезла год назад. «Господи! Целый год!» Затем следовало несколько листов медицинского заключения, которые Мелани переложила не читая, пока не наткнулась на крупные

цветные фотографии. От их вида у нее перехватило дыхание. Это были снимки спины Клары. Мелани хотелось зарыдать в голос. Ради всего святого, зачем кому-то понадобилось совершать такое с девочкой?

Нетронутым остался один небольшой участок, а так вся спина Клары, начиная от затылка по лопаткам и до копчика, была покрыта татуировкой с ужасными мотивами огня, крови, ангелов, демонов и пыток, которые напоминали Мелани Ад из «Божественной комедии» Данте.

Когда Мелани вышла из палаты и закрыла дверь, к ней подошел Хаузер со стаканчиком кофе.

– Это для меня? – спросила она.

– Нет. – Хаузер сделал глоток.

Все равно ей сейчас был нужен скорее бренди.

– Ну? Девочка заговорила? – спросил он.

– Еще нет, но это лишь вопрос времени, она скоро откроется. – Она задумчиво теребила собачий поводок в руке. Шейла все еще была у Клары в палате, и если Мелани не ошибалась, то собаку как раз кормили сэндвичами с ветчиной и сыром.

– Вы уже сообщили матери Клары?

– Ах да, этого нет в папке. – Хаузер щелкнул пальцами. – Ее мать умерла год назад, незадолго до исчезновения девочки.

– Что? – Слова копьем пронзили ее сердце. – Ингрид

мертва?

Хаузер прищурился.

– Вы знали эту женщину?

Мелани кивнула. Словно в трансе она продолжала мять поводок. Ингрид было бы сейчас сорок три – столько же, сколько ей самой. Мелани даже не заметила, как к ним кто-то подошел. Лишь когда мужчина обратился к ней, она подняла глаза.

– Простите? – пробормотала она.

Из-за двери у нее за спиной доносились детский смех и собачий лай. Шейла была в своей стихии.

Седой мужчина в белом халате, примерно одного с ней роста, пристально смотрел на поводок в ее руке.

– Я сказал, что заведу отделением, а вы кто такая?

Она сделала глубокий вдох и выдох.

– Мелани Дитц, старший прокурор. Я беру это дело.

6

Вместе со всеми остальными студентами академии в первой половине дня Сабина осилила курс «Служебный устав и сотрудничество с прокуратурой». После этой теоретической болтовни и обеда в столовой занятия продолжились «Обращением с оружием и амуницией». Разборка и сборка «ЗИГ-Зауэра» была уже значительно интереснее, как и тренировка в учебном стрельбище.

Правда, Тина отсутствовала эти два часа, и тренер сделал соответствующую пометку. В промежутках у Сабины оставалось немного времени, чтобы выяснить что-нибудь об убийствах по делу «Многоножка», как велел им Снейдер. Со своего ноутбука она могла зайти на главную страницу архива БКА, но без пароля доступа к данным не получила. Видимо, Федеральное ведомство уголовной полиции держало свои якобы высокоодаренные молодые кадры на коротком поводке.

По крайней мере, в Интернете она нашла статью в пять строк по ключевому слову Centipede, правда, в ней лишь говорилось, что одна берлинская семья была зверски убита в собственном доме четыре года назад. Все остальные статьи на эту тему были удалены с серверов по причине защиты молодежи. Похоже, Снейдер на своем втором занятии сразу перейдет к делу.

Ровно в пятнадцать часов Снейдер вошел в аудиторию. Он начал лекцию, одновременно собирая соглашения о конфиденциальности:

– Эти листки служат одной-единственной цели. На своем курсе я буду разбирать с вами только нераскрытые дела. Я хочу, чтобы вы были открыты для новых идей, и собираюсь разрабатывать с вами новые гипотезы. По раскрытым делам вы можете загуглить решение, но я хочу воспитать вас самостоятельно думающими людьми с собственными идеями. Поэтому с данного момента все, что вы услышите или уви-

дите, является служебной тайной. Если вы ее нарушите, то это будет рассматриваться как уголовное преступление. Все ясно?

Снейдер взял последний листок и пошел к кафедре.

— Кроме того, уже раскрытые дела вы всегда будете анализировать на занятиях моего коллеги Вессели. Он оперативник старой школы и больше доверяет статистике, результатам лабораторных исследований и компьютерному анализу.

Тина нагнулась к Сабине.

— Раньше он был сильным преподавателем, но со временем стал теоретиком, — прошептала она.

— Мартинелли, я это слышал! Методы Вессели ничуть не хуже — просто это другой подход. В свое время многие из его дел могли быть раскрыты с помощью программ обслуживания базы данных. Но существует классическое программное обеспечение, которое намного превосходит все остальные. А именно, вот это... — Снейдер постучал себя пальцем по лбу. — И мы хотим работать с ним. — Он сунул бумаги в свою папку. — Итак! Что вы выяснили по убийствам Centipede?

— Ничего, — ответил Шёнфельд с первого ряда, атлетичный блондин в белой футболке поло, который в глазах Сабины уже во время тренировки по стрельбе выглядел высокомерно. Он попал в Академию из Земельного управления уголовной полиции Берлина и имел самый высокий уровень IQ в группе.

Майкснер, сидящая рядом, ни в чем ему не уступала. Са-

бина вообще чувствовала себя потерянной среди всех этих интеллектуалов. Ей не нужно было проходить ни вступительное собеседование или двухдневный тест на профессиональную пригодность, предоставлять медицинские справки, принимать участие в групповых заданиях и беседовать один на один с психологом. Она даже не знала, достаточно ли ее ежедневных занятий пилатесом и пробежек для поддержания необходимой формы. Когда выдастся спокойная минута, нужно будет спросить Снейдера, не он ли за всем этим стоит.

– У нас заблокирован доступ к архиву БКА, – добавил Шёнфельд.

– И не без причины, – ответил Снейдер. – Во время учебы вы находитесь на низшем доверительном уровне, это означает, вам разрешается дышать и отвечать тогда, когда вас спрашивают. Вы не получите никаких паролей к актам текущих расследований. Может, у кого-то из вас была другая креативная идея?

Никто не ответил, наконец Тина подняла руку.

– Я была в газетном архиве городской библиотеки и воспользовалась аппаратом для чтения микрофиш.

– У вас не было столько времени, – возразил Снейдер.

– Я отказалась от тренировки в стрельбе.

– Возможно, однажды она могла бы спасти вам жизнь.

– Я спортивный стрелок, – ответила Тина. – В Палермо этому учат первым делом.

– Шпигаты и копченый угорь, – пробормотал Снейдер. –

Похоже, вы одна тут с яйцами. И что же вы выяснили?

Сабина улыбнулась про себя. Вообще-то ее не должно удивлять, что студентка юрфака с татуировками и пирсингом занималась спортивной стрельбой.

– Убийства «Многоножки» произошли в сентябрьские выходные четыре года назад, – начала Тина. – Неизвестный три дня удерживал семью на их собственной вилле и жестоко расправлялся с каждым по очереди.

– Состав семьи?

– Отец, мать, шестнадцатилетний сын, восьмилетняя дочь, собака и две кошки.

Снейдер соединил кончики пальцев перед лицом.

– А теперь я покажу вам, что убийца Centipede сделал с этой берлинской семьей. – Он взял пульт дистанционного управления и пошел к видеопроектору. – У логиков не возникнет проблем со следующими изображениями. Сопереживающим и впечатлительным нужно выработать определенную дистанцию и беспристрастность по отношению к жертвам и их родственникам, иначе с годами вы сойдете с ума.

Снейдер затемнил аудиторию, опустив с помощью пульта жалюзи на окнах, и включил проектор. Через несколько секунд появился первый снимок размером больше человеческого роста. Изображения на экране сменялись каждые десять секунд, превратившись в бесконечное диашоу.

Сначала Сабина решила, что это какая-то шутка, но потом поняла, что фотографии настоящие. Она почувствовала, как

Тина рядом с ней вцепилась пальцами в стол. Сабина тоже напряглась.

Этих людей не просто убили, преступник расчленил их и, как пазл, сложил из частей тел абсолютно новое существо, недоступное человеческому сознанию. Этот симбиоз из скомпонованных частей тел на диване в гостиной имел ужасающее сходство с безобразным монстром-многоножкой. Отсюда и название. Кроме того, преступник включил в свое творение домашних животных и части кукол. Красные шторы были сняты с окон, закреплены на потолке гостиной и искусно задрапированы, как на театральной сцене, словно убийца хотел сказать: «Занавес поднят – добро пожаловать на мой спектакль!» Некоторые снимки походили на барочные картины маслом. Даже одежда подходила к заново сформированным телам. Все это выглядело как трехмерный жуткий паноптикум в исполнении спятившего Дали или Пикассо.

– Это же противоестественно! – пробормотала Майкснер в первом ряду.

– «Противоестественно»? – повторил Снейдер. – Мотивы серийных убийц, в основном, ярость или сексуальное влечение. Если вы, как криминалисты-аналитики, это поймете, то сможете работать более структурированно. В противном случае вам лучше идти в патрульные полицейские. Мы же должны рассматривать этот поступок как тотальное произведение искусства. Потому что наша работа не поймать пре-

ступника, а понять преступника, чтобы другие его поймали.

– Однако в прошлом году Снейдер собственноручно поймал серийного убийцу, – прошептала Тина.

– Я знаю, – ответила Сабина, не отрывая взгляда от фотографий. Она также знала, что сегодня ничего уже не сможет съесть.

На лицах убитых не было никаких эмоций. Сабина знала это по другим трупам, которые видела до этого. Челюсти опущены вниз, синие языки вывалились наружу. На губах засохла пена. Роговая оболочка глаз тоже абсолютно высохшая.

Пока одни пялились на фотографии, а другие отворачивали голову, Снейдер прошелся по среднему проходу и раздал досье. Сабина заглянула в папку. Внутри лежали показания свидетелей, отчеты экспертно-криминалистической службы и судебного медика. Медицинские сведения были – и это неудивительно – намного обширнее, чем в случаях других убийств. Однако как психическая экспертиза, так и психологический портрет преступника отсутствовали.

По печатям и тому, как были заполнены формуляры, Сабина поняла, что они имеют дело с копиями оригинальных документов, а не с фейковым показательным примером. Она сразу сообразила, где нужно искать, чтобы за несколько минут получить общее представление об этом деле. Едва она закрыла папку, как Снейдер снова взял слово:

– Добровольцы, вперед! Что произошло?

Шёнфельд вызвался первым. Ясное дело, он должен был показать, что выяснил за такое короткое время.

– Состоятельная берлинская семья. Вилла в пригороде, крытый бассейн в доме, комната для бильярда и библиотека с открытым камином. В пятницу утром неизвестный проникает в дом и усыпляет мать и дочь большой дозой рогипнола, сильного седативного средства. Они тут же теряют сознание. Однако на предплечьях женщины имеются следы борьбы – очевидно, семья не была знакома с убийцей. Он стреляет в бернскую овчарку, убивает стилетом обеих сиамских кошек и сбрасывает животным шерсть. Пули от девятимиллиметрового пистолета «хеклер-и-кох» с глушителем. Гильзы преступник забрал с собой.

– Дальше!

– В обед домой приходит сын. Ближе к вечеру отец. Обоих ожидает та же самая процедура. Раны на предплечьях, удар по голове, доза рогипнола. Все члены семьи, связанные и с кляпами во рту, находятся в доме до вечера воскресенья. Лишь около семнадцати часов он приступает к своей работе.

– Почему он так долго ждет? – перебил его Снейдер.

– Следы в ванной комнате позволяют сделать вывод, что семья многократно пользовалась туалетом. Возможно, убийца не хотел, чтобы опорожнение кишечника и мочевого пузыря в момент смерти обезобразило его творение.

Сабина подняла глаза. Шёнфельд был неплох.

Снейдер кивнул:

– Дальше.

– Однако кровь не смущает убийцу. Она гармонирует с цветом штор и дивана. Он отделяет головы и конечности от тел своих жертв, пришивает их по-новому, перемешивая людей и животных.

Двое студентов в первом ряду начали шептаться: Майкснер, расфуфыренная блондинка с солнечными очками в волосах, и Гомез, долговязый парень, который жевал жвачку и вел себя достаточно непринужденно. Не похоже, что он когда-либо работал в Земельном управлении уголовной полиции.

Снейдер тут же подошел к ним.

– Вам наскучили рассуждения? Я скажу, почему вы должны наострить уши. Мы обсуждаем все это не для того, чтобы заполнить паузу. Возможно, однажды вы будете работать над этим делом, потому что появятся новые сведения.

– Извините, – пробормотала Майкснер и убрала длинные волосы за ухо.

– Есть ли комментарии к уже сказанному? – спросил Снейдер. Все промолчали. – Хорошо, продолжайте, Шёнфельд!

Тот вернулся к теме:

– Помимо своего творения убийца не оставил никаких следов. Кровь, волосы, слюна, пот и частички кожи – все принадлежит членам семьи. Посторонние следы были идентифицированы, их оставили друзья и знакомые, у которых

на момент преступления было алиби.

Снейдер поднял одну бровь.

– Это и есть следы! Чем сильнее человек старается что-то скрыть, тем больше выдает нам о себе. А именно?

– Преступник работал в перчатках и сетке для волос. Предположительно, в медицинской маске или даже в полиэтиленовой пленке поверх одежды. Возможно...

– Неплохо, – перебил его Снейдер. – Мартинелли, продолжите вы! Что мы знаем о психике убийцы?

В первый момент Сабина немного посочувствовала Тине, потому что та наверняка была перегружена фактами, и Снейдер хотел выставить ее на посмеище. Но она ошиблась.

– Преступник действовал по плану, – уверенно сказала Тина. – И во время преступления от него ничего не ускользнуло.

– Дальше! – потребовал Снейдер.

– Если мы хотим понять художника, то должны посмотреть на его творение. Нам помогут три краеугольных камня на пути становления серийного убийцы: ночное недержание мочи, поджоги и издевательства над животными. Последний момент кажется наиболее выраженным.

– Чего он хочет этим добиться?

– Если животное посмотрит на нас человеческими глазами, то нам станет не по себе. То же самое, если нам улыбнется человек с собачьей пастью. Убийца намеренно хотел вызвать эти неприятные чувства у наблюдателя.

Тина была права, ужаснее всего Сабине показалась восьмилетняя девочка с кошачьими глазами.

– Почему такая жестокость?

– Похоть, алчность и кровожадность подобны соленой воде: чем больше пьешь, тем сильнее жажда, – ответила Тина.

Снейдер кивнул:

– В каждом убийстве есть зерно сумасшествия. Нужно остерегаться, чтобы не прорастить его. Какие вопросы мы должны задать себе?

– С тех пор он совершил еще преступления?

Снейдер помотал головой.

– Насколько нам известно, нет.

– А до этого он уже убивал?

– Предположительно, нет.

– Однако эти фотографии напоминают мне... – Тина умолкла.

– Да? – Снейдер подошел ближе.

– То, как скомпонованы тела и пришиты друг к другу, напоминает мне серию убийств из восьмидесятых. Я тогда еще не родилась, но помню, что несколько лет назад читала об этом статью.

– Йохан Белок, – подсказал Снейдер.

По аудитории прокатился гул. Теперь некоторые начали припоминать. Сабина тоже вспомнила. Белок был лейпцигским детским врачом и одновременно сумасшедшим, который в восьмидесятых годах изувечил много людей в соб-

ственных домах. Но самостоятельно Сабина до этого не додумалась бы – она не была такой помешанной, как Тина, которая, очевидно, интересовалась подобными вещами в частном порядке.

Снейдер остановил диашоу и открыл с помощью пульта дистанционного управления другой документ. Это были потускневшие цветные снимки мест преступлений, которые со временем немного пожелтели.

– Мартинелли?

Тина прочистила горло.

– Я считаю маловероятным, что Белок после стольких лет снова активизировался.

– Я тоже, – отозвался Снейдер. – Белок уже пятнадцать лет сидит в отделении строгого режима исправительного учреждения в Вайтерштадте.

– Я склоняюсь к подражателю, – продолжила Тина. – Прслеживается очевидная эскалация по отношению к преступлениям Белока. Возможно, даже вызывающая беспокойство у самого преступника.

Снейдер прошел к своей кафедре.

– Первое важное замечание сегодня! А также причина, почему БКА взялось за это дело. Белока схватили в ГДР и пятнадцать лет назад перевели в Вайтерштадт.

Сабина знала эту тюрьму особого строгого режима. Она находилась в сорока километрах к югу от Висбадена.

Снейдер хрустнул пальцами.

– Майкснер, продолжайте вы!

Блондинка поднялась.

– Соседи сообщили, что видели световые вспышки за опущенными жалюзи берлинской виллы. Я полагаю, что это были не выстрелы из пистолета, а вспышки фотоаппарата. – Она покосилась на Снейдера, который смотрел на нее безо всяких эмоций. – Преступник фотографировал свое произведение.

– Зачем фотографии? Почему он не снял видео? – спросил Снейдер.

– Метаморфоза семьи на диване, в обрамлении красной бархатной шторы, производит впечатление картины, написанной маслом. Фильм же – это нечто подвижное, поэтому он выбрал фотографию.

– Почему ему недостаточно собственных воспоминаний? – не отставал Снейдер.

– Потому что он... – замялась Майкснер, – хочет рассматривать фотографии и переживать деяние снова и снова?

– Неверно! Мартинелли?

Тина ни секунды не колебалась с ответом:

– Потому что он хотел поставить себя на место Белока и понять, что бы тот почувствовал, увидев в газете фотографии своего усовершенствованного творения.

– Вот причина! – воскликнул Снейдер. – Итак, нам известны четыре убийства Белока и это нелепое подражание. Следовательно, мы располагаем достаточными знаниями. Пред-

ставьте себе это знание в виде фонаря на спине. Он освещает лишь тот отрезок пути, который мы уже преодолели. Но искусство состоит в прогнозировании. Будет ли он снова убивать? И если да, то с какой целью – из садизма или фетишизма?

Никто не ответил.

– Это был вопрос! Итак, кто за фетишистский мотив?

Сабина посмотрела по сторонам. Все руки взметнулись вверх.

Снейдер подошел к ее месту.

– Немез, вы не разделяете этого мнения? Почему?

– Покажите нам, пожалуйста, еще раз слайд номер семнадцать из предыдущего диашоу.

Снейдер остановил презентацию фотографий с мест преступлений Белока и включил снимки из берлинской виллы. Слайд номер семнадцать изображал восьмилетнюю дочь с серповидными зрачками сиамской кошки в глазницах.

– Лицо девочки почти черное от крови, пролитой вечером в воскресенье. Но отчетливо видны белые участки в складках вокруг глаз, потому что девочка зажмурилась. Это ее кровь?

Снейдер пристально посмотрел на Сабину.

– Да.

– Значит, она была еще жива, когда ей вырезали глазные яблоки. Он садист. Он ненавидел эту семью! Ненавидел их богатство, их бассейн, бильярдную и библиотеку – и он за-

ставил их мучиться. Возможно, он убил мать последней и заставил ее смотреть, как расправляется с ее семьей.

Снейдер ослабил узел галстука.

– Правильно.

Затем он прошел к своей кафедре.

Тина подвинулась к Сабине и толкнула ее локтем в бок.

– Эй, круто.

Сабина считала, что это не круто, а грустно и одновременно ужасно. Она не хотела уметь проникать в голову убийцы, но как только видела фотографии с места преступления, это происходило автоматически.

– Серийный убийца – это тот, кто учится на собственном опыте. Поэтому будет все труднее поймать его. Какие методы мы могли бы применить в этом случае?

– Можно спровоцировать его сообщением в газете, – предложил Шёнфельд. – «Преступник-подражатель оскорбляет шедевр Белока!»

– Уже публиковали – с прессой так никто и не связался.

– Мы могли бы основать народную дружину, возможно, он вступит в нее, чтобы выяснить, сколько мы уже о нем знаем, – предложил Гомез.

– Это мы тоже уже делали – среди дружинников его не оказалось.

– В годовщину преступления можно опубликовать статью об убийстве и установить наблюдение за могилой семьи, – предложила Тина.

Снейдер помотал головой:

– Никто не пришел.

Все молчали.

– Существует другой перспективный метод? – спросил Снейдер.

– Нет, – ответила Сабина.

Снейдер поднял бровь.

– Почему нет?

– Это же очевидно, что ни один из известных методов ничего не дал – иначе дело было бы уже раскрыто.

– Выходка, – пробормотал кто-то на первом ряду.

Сабина проигнорировала комментарий.

– Вместо этого нам стоит проверить, не вступал ли кто-то в контакт с Белоком за последние пятнадцать лет.

– Вполне возможно. – Снейдер нажал кнопку на пульте управления и вывел на экран протокол посещений тюрьмы Вайтерштадт. – За все время своего заключения Белок принимал посетителей только семь раз. Пять раз в восьмидесятих годах к нему приходила жена, и два раза – мужчина четыре года назад.

У Сабины перехватило дыхание. Но не из-за фамилии посетителя, а потому, что она увидела подпись сотрудника БКА, который запрашивал протокол посещений. Эрик Дорфер. Дата – всего лишь четыре недели назад. Очевидно, Эрик работал над этим делом, но ей ничего уже не рассказывал. Раньше они всегда обо всем говорили.

– Лишь один-единственный посетитель вызвал интерес у следователей, а именно – берлинский гинеколог с хирургическими знаниями, который после своих визитов прислал Белоку в тюрьму еще письмо, – рассказывал Снейдер. – Мы проверили доктора Яна. Обыск дома, допрос, графологическая экспертиза – по полной программе. Некоторые улики говорили против него, поэтому был начат судебный процесс, который лично я считал преждевременным.

Снейдер раздал тонкие папки с досье, которое они быстро прочитали. Обсудив между собой факты, пришли к единоголосному решению, что следов, которые указывали на гинеколога как убийцу, было недостаточно для обвинения.

Гomez резюмировал одним предложением то, что думали все:

– Улики выглядят чертовски фальшиво.

– Вытащите изо рта жвачку, когда разговариваете со мной! – приказал Снейдер.

Гomez невозмутимо завернул жвачку в бумагу.

– Все выглядит так, словно настоящий преступник следил за Белоком, чтобы выяснить, посещает ли его кто-то. А потом отправил Белоку письмо от имени этого посетителя. Тем самым он хотел подсунуть уголовной полиции убийцу... гинеколога доктора Яна. Тот просто оказался не в том месте не в то время.

Снейдер прищурился.

– Продолжайте!

– Я хочу сказать, визит в тюрьму и вскоре после этого убийства. Как-то слишком гладко. Черт возьми, все выглядит так, словно визит гинеколога стал удобным моментом для демонстрации преступления одержимого подражателя, чтобы мы подумали именно то, что подумали. И мы тут же на это покупаемся. На самом же деле нет никакого преступника-подражателя, а есть просто убийство берлинской семьи, которую кто-то хотел уничтожить.

– Прекрасно, вы можете снова жевать жвачку. – Снейдер кивнул. – Я разделяю такое мнение. Кто-то проложил хитроумный ложный след, чтобы отвлечь внимание от себя и сделать ответственным за убийства другого.

– Чем закончился судебный процесс? – спросила Тина.

– Судья Ева-Мария Ауэрсберг, которая, кстати, живет в Висбадене, вела заседание. К счастью, она распорядилась еще раз проверить улики. Берлинский гинеколог был оправдан. – Снейдер взглянул на часы. – Вы можете оставить все материалы себе, но не забывайте о соглашении о конфиденциальности, которое вы подписали. Еще вопросы есть?

Сабина, не раздумывая, подняла руку.

– Эрик Дорфер расследовал это дело?

Снейдер выключил видеопроектор.

– Это не важно.

– Я узнала его подпись на протоколе посещений, – сказала Сабина. – Что он выяснил? И почему в него... – Она почувствовала, как при этой мысли на глаза навернулись сле-

зы, которые она тут же подавила. – Стреляли?

В аудитории зашептались. Некоторые обернулись к Сабине.

Снейдер не ответил.

– Если вопросов больше нет...

– У меня еще один, – перебила его Сабина.

Снейдер пристально посмотрел на нее.

– Пожалуйста.

– Итак, мы считаем, что кто-то расправился с берлинской семьей и в качестве преступника хотел презентовать уголовной полиции невиновного, который сам не более чем жертва. Но, возможно, берлинский гинеколог и есть настоящая цель убийцы, а растерзанная семья лишь средство на пути достижения этой цели.

Шепот в зале умолк. Похоже, все обдумывали слова Сабины. Даже Снейдер. Его голова была опущена, на лбу собрались морщины. Она буквально видела маленькие шестеренки под его лысиной, которые зацеплялись друг за друга, проворачивались и за секунды взвешивали за и против в этой теории. Наконец он поднял голову.

– Я соглашусь с вами, такая возможность существует, но я считаю ее маловероятной. Мы продолжим завтра – ровно в восемь часов.

После этого двухчасового семинарского марафона у Сабины гудела голова. Пока другие покидали аудиторию, она оставалась сидеть на своем месте, уставившись на Снейде-

ра – тот как раз ответил на входящий звонок на смартфоне. Но Сабина его практически не видела. В мыслях она была с Эриком, который с простреленной головой лежал в реанимации госпиталя Святого Иосифа. Как только у нее появится свободная минута, она его снова навестит. Наконец она собрала свои учебные материалы и вышла из аудитории.

Тина стояла с Шёнфельдом, Майкснер, Гомезом и коллегами из другой аудитории. Похоже, у них образовалось что-то вроде группировки. Они негромко переговаривались. Когда Сабина подошла ближе, все умолкли.

– Сегодня вечером мы идем в столовую, а потом в город в какой-нибудь паб, – сказала Тина. – Ты с нами?

– Я...

В разговор вмешался Снейдер:

– Не сегодня. – Он убрал свой телефон и взглянул на Сабину. – Хесс хочет видеть вас в 19:00 в своем бюро.

Тина вытаращила глаза.

– Президент Хесс?

Снейдер проигнорировал ее. Взял Сабину за руку выше локтя и потащил за собой к лифту.

– Вы хотите со мной поужинать? – ехидно спросила она.

– Нет, Белочка. – Больше Снейдер никак не отреагировал на ее шутку. Хотя он понизил голос, кажется, некоторые студенты слышали ее прозвище.

– Больше никогда не упоминайте в академии фамилию полицейского, занимающегося каким-либо текущим расследо-

ванием, – прошептал он, когда они дошли до лифтов. – Понятно?

Сабина была ошарашена.

– Господи, да каждый мог прочесть его имя на экране.

– Но не каждый знает Дорффера. Я выдал вам разрешение на посещение, но это еще не означает, что вы должны трубить обо всем.

Сабина прищурилась. Сейчас она рассердилась не меньше Снейдера.

– Вы допустили ошибку!

Он выругался по-голландски. Затем притянул Сабину ближе к себе. Она уловила аромат ванильного чая, которым Снейдер пытался заглушить запах косяков. Видимо, он чувствовал себя погано, раз снова курил травку.

– Мне очень жаль, что это случилось с Эриком Дорффером. – Снейдер пристально посмотрел на нее. – В последнее время он работал над несколькими делами и...

– Над какими?

– Это конфиденциальная информация, но он вышел на новый след в деле Centipede незадолго до того, как неизвестный стрелял в него ночью. Все произошло в его кабинете в главном здании. Но это останется между нами, понятно?

Сабина кивнула.

– О'кей, – сказал Снейдер. – Так что, если у вас на этот счет появится детальная и обоснованная теория, только с глазу на глаз.

После того как Мелани Дитц переговорила с главным прокурором, который официально передал ей дело Клары, она позвонила Хаузеру. Мелани разделяла его мнение, что это расследование должно находиться в ведении уголовной полиции Вены, и дала ему час времени, чтобы собрать специальную комиссию и назначить встречу-брифинг в офисе прокуратуры Венского земельного суда.

Когда Мелани ровно в 18:00 подошла к своему бюро, полицейские из Федерального ведомства по уголовным делам уже ждали в фойе. В команде был даже врач Клары. Остальных мужчин Мелани знала по прежним расследованиям. Среди них не было ни одного отца семейства и ни одной женщины! Она собрала бы совсем другую команду. Хотя прокуратура была основным ведомством, ведущим расследование, она все равно не имела полномочий самостоятельно выбрать следователей.

Мелани пригласила команду к себе в бюро.

– Господа, спасибо, что пришли.

Она села.

Мужчины расположились за столом для посетителей. Секретарь Мелани принесла кофе и минеральную воду. Шейла ушла в свой угол, полакала воды из миски и легла на свою подстилку. Она привыкла к совещаниям в офисе.

– Мы ведем расследование против неизвестного преступника, – открыла Мелани собрание и посмотрела на врача. – Есть какие-то новости по состоянию Клары?

– Мы имеем дело не с обычным сексуальным маньяком. Не считая татуировок, она не подвергалась другим истязаниям. Признаков изнасилования тоже нет.

– Необычно... – вслух подумала Мелани. – Что насчет татуировки?

– Некоторым один год, другим несколько месяцев, пара совсем свежих. Тело десятилетней девочки развивается, меняется. Оно растет, а вместе с ним и татуировки на спине.

Мелани пришла в голову абсурдная мысль.

– А это могло быть причиной, почему ее целый год держали в заключении?

– Чтобы посмотреть, как изменится рисунок на ее коже? – Врач покачал головой. – Возможно.

Мелани требовательно посмотрела на Хаузера, и тот записал это в своем ноутбуке.

– Ее нашли в запущенном состоянии, грязную, со свалывшимися волосами, организм был обезвожен, в крови наблюдался недостаток сахара; похоже, она провела целый год без солнечного света. Кроме того, от побега у нее остались ссадины и резаные раны. Сильного истощения нет, она почти ни к чему не притрагивается, за исключением ветчины, – но в целом физическое состояние хорошее.

– А психическое?

– Она травмирована, по-прежнему не говорит ни слова и еще неделю будет находиться под интенсивным наблюдением врачей, пока не покинет больницу.

– Хорошо. Завтра утром в прессе появятся первые сообщения о Кларе, но мы будем и дальше оберегать ее от СМИ. Никаких фотографий, никаких интервью.

Мужчины единодушно закивали.

– Нам нужен дополнительный персонал службы безопасности в больнице.

– Я уже распорядился, – сказал Хаузер.

– Что нам известно о татуировке?

Хаузер прочистил горло.

– Это мотив из «Ада» Данте.

У Мелани по спине пробежал мороз. Значит, она не ошиблась с предположением.

– Детали?

– «Ад», первая часть «Божественной комедии» Данте, состоит из множества песен. Около 1300 года к каждой из песен была нарисована картина. Маслом на деревянных досках. Итальянский художник покончил с собой в сорок лет. В восьмой песне описывается... – Хаузер бросил взгляд в ноутбук, – пятый круг Ада с болотом, в котором мучаются гневные души. Татуировка на спине у Клары точно воспроизводит этот мотив.

Было странно слушать культурно-исторические детали из уст невежды в области искусства. Но, похоже, он выполнил

свое домашнее задание.

– Значит, существует еще семь изображений, – пробор-мотала Мелани, и эта мысль испугала ее. – Сколько песен всего?

– Тридцать четыре.

– Вот дерьмо, – вырвалось у нее.

Мужчины молчали. Видимо, все думали об одном и том же. Возможно, это расследование лишь вершина айсберга.

– Я хочу, чтобы вы просмотрели список всех пропавших детей и подростков за последние пять лет, – сказала Мелани. – Может быть, вы найдете взаимосвязь.

– Это длинный список, и в случае нелегально въехавших детей нам часто не хватает...

– Я знаю, все равно проверьте, – перебила его Мелани. – А сейчас расскажите мне что-нибудь о результатах розыска, проводимого год назад, когда Клара пропала.

Хаузер потерял узел галстука.

– Вы сами знаете, что расследовать преступление, совершенное на природе, сложнее, чем преступление в помещении, где сохранились все следы. – Прозвучало как дешевое оправдание тогдашнего провала Хаузера.

– Да, это и так ясно, избавьте меня от пустословия. Какие факты годичной давности у нас имеются?

– Клара исчезла больше года назад, двадцать пятого августа. В последний раз ее видели в Нойвальдегге, примерно в трех километрах от того места, где она была обнаружена

вчера. – Хаузер разложил на столе план Вены и показал Мелани место.

Нойвальдегг находился на северо-западе города и граничил с Венским Лесом. Огромная территория. Клара жила поблизости. Так что она была похищена всего в нескольких сотнях метров от дома.

– Что вы тогда предприняли?

– За год до этого в лесу был найден труп в пластиковом пакете. Румынская девочка примерно Кларинового возраста, и у нее на спине отсутствовал участок кожи между затылком и копчиком. Мы отработывали в том числе и этот след, потому что предполагали связь между исчезновением Клары и мертвой румынкой.

– Как оказалось, подозрение было не таким уж абсурдным, – пробормотала Мелани.

– Мы начали акцию, чтобы найти педофилов, которые интересовались татуировками.

– Да, верно. – Мелани припоминала. Уголовная полиция Вены опубликовала в Интернете сайт, предлагавший снафф-видео² с татуированными малолетними, и запустила его в соответствующих кругах. После анонимной регистрации и перевода девяноста девяти евро на счет в Маниле обещанный материал с детской порнографией должен был быть доступен

² Снафф-видео – короткометражные фильмы, в которых изображаются настоящие убийства, без использования спецэффектов, как правило, с предшествующим издевательством и унижением жертвы.

для скачивания. Разумеется, до этого ни разу не дошло.

– Что удалось выяснить в итоге? – спросила Мелани.

– На наш сайт вышло около семидесяти клиентов, которых мы смогли проверить через операторов кредитных карт и по IP-адресам. Строители, водители мусоровозов, менеджеры, налоговые консультанты, но также учителя, детские воспитатели и социальные работники. Только мужчины, представители всевозможных профессий. Было даже пять IP-адресов из Ватикана, но ни за одним из них не скрывался похититель Клары. Мы просто пригрозили им денежным штрафом.

– Нужно еще раз внимательно изучить этих типов.

– Двое моих людей уже занимаются этим.

– Хорошо, а что с Нойвальдеггом?

– Перевернем его в ближайшие дни. Можно только предполагать, как долго Клара бежала и в каком направлении. Мы работаем в радиусе полутора километров от места ее обнаружения.

– Увеличьте до трех!

– Для этого у меня парней не хватает.

– Тогда возьмите женщин!

– Простите?

– Возьмите студентов Полицейской школы или запросите помощи у пожарной службы. Кроме того, я хочу, чтобы вы работали также по ночам и прочесали лес с поисковыми собаками.

– Что вы надеетесь найти?

– Я надеюсь ничего не найти, но, возможно, мы наткнемся на еще один труп девочки в пластиковом пакете. – На этом тема для Мелани была закрыта. – Что тогда дал опрос соседей Клары?

Хаузер вымученно улыбнулся.

– Ничего. Знаете, что нам рассказали соседи? Брайншмидты жили уединенно, но некоторые соседи жаловались, что целый год испытывали проблемы с беспроводным Интернетом, но так и не смогли установить причину. Лишь после исчезновения Клары Интернет в этом районе снова заработал безупречно.

– Один и тот же провайдер?

Хаузер помотал головой:

– Разные.

– Странно, – вслух размышляла Мелани. – У вас есть предположение, в чем могло быть дело?

– Честно говоря, у меня не было достаточно людей, чтобы заниматься этим.

– О'кей, что-нибудь еще?

Хаузер вновь помотал головой.

– Соседи не замечали ничего необычного.

– Вы допросили тогда Рудольфа Брайншмидта?

– Конечно. У него было алиби.

Мелани насторожилась.

– Мать Клары умерла за неделю до этого, а у него было

алиби на момент похищения? Кто присматривал за Кларой?

– Никто. Она играла одна на детской площадке рядом с домом. Брайншмидт собирался заехать за ней через час, после того как заберет машину из автомастерской.

Это просто немыслимо! Насколько бессердечным нужно быть, чтобы на несколько часов оставить десятилетнего ребенка, который только что потерял свою мать, одного на детской площадке? К тому же недалеко от леса, где недавно нашли закопанный труп румынской девочки.

– Когда Клара сможет увидаться со своим отцом? – спросил врач.

– Ее отец мертв, – резко ответила Мелани. Господи, он был таким добросердечным человеком.

– Я имел в виду Рудольфа Брайншмидта. Он теряет терпение, и я не знаю, сколько мы еще сможем тянуть время.

Мелани задумалась, подыскивая правильные слова.

– Я не уверена, пойдет ли эта встреча Кларе сейчас на пользу.

– Вы подозреваете Брайншмидта, верно? – предположил Хаузер.

Конечно. Это был самолюбивый говнюк и ее подозреваемый номер один. Но если она признается в этом, то главный прокурор тут же заберет у нее дело, она даже приказ об аресте произнести не успеет.

– Что вы выяснили о Брайншмидте? – спросила она вместо ответа.

– За три года до этого он познакомился с матерью Клары, женился на ней и удочерил ее дочь.

– Удочерил? – вырвалось у Мелани. – Тем самым Ингрид отказалась не только от пенсии вдовы, но и от пенсии по сиротству для Клары?

Хаузер кивнул.

– У Рудольфа Брайншмидта свой магазин электротоваров на краю города, который приносит неплохой доход.

Мелани с трудом произнесла следующий вопрос, но она поклялась вести расследование объективно и без эмоций.

– От чего умерла мать Клары?

Хаузер взглянул на своих людей, те посмотрели на врача.

– Насколько я знаю... – Доктор откашлялся. – Ее привезли в Общую больницу Вены с нарушениями сердечного ритма... Возможно, инфаркт.

– «Возможно»? Выясните это для меня, пожалуйста.

– Без постановления суда невозможно получить доступ к медицинским картам каких-либо пациентов.

– Попытайтесь. – Мелани собрала свои документы. – Есть еще вопросы?

Никто ничего не сказал. Шейла наострила уши. Она чувствовала, что совещание закончилось.

ным коридорам Федерального ведомства уголовной полиции был настолько запутанным, что даже собака-ищейка заблудилась бы по дороге в бюро президента Хесса. В некоторых углах пахло штукатуркой, малярной краской и силиконом, и было件нятно, что недавно установили дополнительные видеокамеры.

У Сабины было время, чтобы переодеться, и она выбрала свой стильный темный костюм. Наконец-то найдя путь к кабинету Дитриха Хесса и поднимаясь в лифте, она подумала о коротком телефонном разговоре, который незадолго до этого состоялся у нее с доктором Лауренцом Беллом из Висбаденского госпиталя Святого Иосифа.

Назвав свой служебный номер, Сабина представилась сотрудницей БКА и одновременно подругой Эрика Дорфера и сделала вид, что у них отношения. Иначе ей было никак не заполучить информацию. Кроме того, ее запомнили охранники; и, видимо, этого оказалось достаточно доктору Беллу. Чем больше он рассказывал об Эрике, тем сильнее у нее сжимался желудок. «Пуля повредила несколько сосудов и все еще находится в голове. Кровь из раны попадает в мозг и давит на нервные ткани, из-за чего возникает дополнительный отек, который в свою очередь давит на ствол головного мозга». Пока дыхательный центр не заблокировался, врач вынужден был ввести Эрика в искусственную кому и понизить температуру тела до 34 градусов, чтобы отек спал. Сабина очень надеялась, что врачи в отделении реанимации знают,

что делают.

Раздался звуковой сигнал, и двери лифта открылись. Кабинет Дитриха Хесса находился в конце коридора. Его секретарша сразу же провела Сабину к нему. Стены кабинета были облицованы угнетающим красным деревом. Зеленая лампа для чтения давала немного света, и пахло трубочным табаком.

– Входите. – Хесс откинулся в своем высоком кожаном кресле. Он не встал, чтобы поприветствовать Сабину, не протянул ей руку.

Она подошла ближе. На его столе стояла рамка с фотографией привлекательной платиновой блондинки, вероятно, жены Хесса. Рядом с телефоном лежала папка, на которой значилась фамилия Сабины.

– Садитесь. – Голос Хесса напоминал ворчание собаки.

Сабина опустилась на мягкое кожаное кресло и утонула в нем. Так как она с детства была маленькой, а Хесс имел крупное телосложение, то он смотрел на нее через стол сверху вниз. На вид ему было лет шестьдесят. Возможно, чуть больше. Такие типы, как он, просто так не уходят на пенсию.

– По направлению «Криминалистический анализ и судебная психология» в академии есть два курса. Один ведет Снейдер, другой – Вессели. – Дитрих Хесс внимательно на нее посмотрел. – Когда несколько дней назад вы узнали о том, что приняты в академию, вы единственная не захотели указать предпочтения. Все остальные подали заявление на

курс Снейдера. Почему? – У Хесса были короткие седые волосы, пронизательный взгляд и харизма, которая без жестикуляции и ненужных слов сразу давала понять, что все будет только так, как он распорядится.

– Я была рада, что вообще получила какое-то место в академии.

– Вы не хотели на курс Снейдера? – Его тон был не очень доброжелателен.

– Хотела.

– По какой причине?

Сабина чувствовала себя как на допросе.

– А вы других спросите, почему они хотели к Снейдеру, – предложила она.

– Это не обязательно. Я сам могу ответить вам на данный вопрос, – сказал Хесс. – Снейдер эксцентрик. Он пользуется определенной репутацией, которая, конечно, распространяется среди студентов. В этом году, как всегда, из всех претендентов Снейдер отобрал желаемых кандидатов, в том числе и вас, но я, как всегда, определил к нему на курс самых отчаянных бунтарей. И, конечно, вас, потому что вы точно подходите под это описание.

Его голос прозвучал так, словно это решение доставило ему большую радость.

– Но я вовсе не хотел унижить или оскорбить его. Это не мой стиль, а Снейдера. Но вы скоро и сами узнаете.

«Спасибо за совет». Этот урок она уже выучила в про-

шлом году. Но она также видела, как точно и эффективно работает Снейдер.

Пиджак Дитриха Хесса висел на спинке его кресла. Рукава рубашки были закатаны. Он оперся локтями о стол.

– Хотя я снабжаю его упрямыми всезнайками, после его курса выпускаются самые компетентные сотрудники. Еще несколько лет назад нашим лучшим преподавателем был Конрад Бессели, но Снейдер доработал и усовершенствовал метод Вессели. Я не знаю, как Снейдер это делает, но у него самый высокий процент раскрываемости и он создает самые точные психологические портреты преступников. Доля попаданий почти невероятна.

Хесс изучал ее поверх своих очков для чтения.

– В любом случае не будьте столь наивны и не думайте, что вам полагается какой-то бонус, потому что в прошлом году вы со Снейдером раскрыли серию убийств. Лишь потому, что вы воспитанница Снейдера и он ходатайствовал за вас, у вас здесь нет никаких преимуществ.

Воспитанница? Кровь ударила Сабине в голову. Что он вообще думает?

Очевидно, эмоции отразились у нее на лице, потому что Хесс самодовольно улыбнулся.

– Так что не надейтесь, что Снейдер и впредь собирается прокладывать вам путь. Он не будет этого делать.

Что касается «воспитанницы» и «прокладывать путь». Снейдер только что отчитал ее как сопливую пацанку.

– Почему вы вообще приняли меня в академию?

– Потому что мне уже начали действовать на нервы ваши бесконечные заявления, которые...

– Которые постоянно отклонялись, – перебила его Сабина.

– И в этот раз повторилось бы то же самое, но я был в долгу перед сукиным сыном. Почему он решил потратить его именно на вас, мне до сих пор неясно.

Похоже, дипломатия не являлась сильной стороной Хесса. То, что он был обязан Снейдеру, тот упоминал уже в прошлом году, как и то, что они с Хессом люто ненавидели друг друга. Но деталей Сабина не знала.

– Только не думайте, что вам не нужно выдавать те же результаты, что и другим. Если не сможете выложиться на сто процентов, последуйте, по крайней мере, принципу благоразумия и вернитесь в Мюнхен, чтобы избавить себя от позора поражения.

«Что? О чем это он?» Она всего на десять минут опоздала на последнее занятие, потому что звонила в госпиталь. И уже оказалась в эпицентре борьбы за власть между Снейдером и Хессом. Видимо, Хесс хотел избавиться от нее, чтобы посадить Снейдера в лужу.

– Я не хочу, чтобы в БКА работали люди, которые не справляются с задачами и исполняют свои обязанности без убежденности. В конце концов, я также отвечаю здесь за безопасность.

– Но это не особо помогло Эрику Дорферу, – вырвалось у нее.

Хесс поднял одну бровь.

– Вы в курсе?

– Мы друзья, и я знаю, что в него стреляли в кабинете в служебное время.

– Я дам вам один совет: не стоит рассказывать об этом в кампусе, лучше сконцентрируйтесь на учебе. Я твердо уверен, что работу в БКА нужно заслужить.

Сабина прищурилась.

– Если вы намекаете на то, что я не проходила процедуру отбора, то могу вам лишь сказать, что это не было моим решением. Я готова в любой момент выполнить эти тесты...

– Знаю, знаю. – Он поднял руки. – Снейдер устроил это для вас, и я не собираюсь ничего менять. Теперь мы со Снейдером квиты. Но я лично буду проверять, соответствуете ли вы на сто процентов всем требованиям. Однако, если вы, как перешедшая из оперативного отдела полиции, чувствуете, что не доросли до новых задач, то всегда можете вернуться на старое место службы в Мюнхен, где будете расследовать кражи сумочек в пешеходной зоне.

Вот так, значит, Хесс думает о ней? К счастью, в дверь постучали, прежде чем у Сабины вырвалось то, о чем она потом пожалела бы.

Вошла секретарша.

– Дитрих, пришли господ из Рейн-Майн-Халле³, они хотят поговорить с тобой насчет празднования шестидесятилетия.

Хесс улыбнулся.

– Спасибо, одну минуту.

Секретарша исчезла, и черты лица Хесса снова окаменели.

– Я думаю, вы все поняли, так?

Сабина кивнула. Да, она все поняла.

– Если у вас больше нет вопросов, я предлагаю...

– Вы, наверное, думаете, что имеете дело с глупой деревенской девчонкой, – перебила она его. «Нет, не делай этого», – затрещали сигнальные звоночки у нее в голове. Но было уже поздно. Она начала предложение и договорит его до конца.

Сабина поднялась с кожаного кресла и теперь смотрела на Хесса сверху вниз.

– Но я взрослая женщина. Как и вы, я видела немало страданий и дерьма в этом мире и сама могу оценить свои силы... и у меня больше нет вопросов.

Сабина вышла из здания БКА, прошагала по улице и попала на территорию кампуса. Сейчас ей больше всего хотелось сорвать с себя свой черный костюм и поколотить по

³ Рейн-Майн-Халле – большой зал в Висбадене для проведения мероприятий, конгрессов и т. д.

боксерской груше в фитнес-центре. На табличке стояли часы работы зала. Понедельник – пятница, с 08:00 до 19:30. Она подергала дверь, но центр закрылся пять минут назад.

Ей нужно было как-то выпустить пар. Бассейн и спортзал для занятий джиу-джитсу тоже были закрыты. Сабина прошагала мимо библиотеки, конференц-зала и помещения для стрельбы. Стены из красного кирпича и пол, выложенный коричневой плиткой, напоминали ее детский сад. Как и мансардные окна, и стеклянные стены во внутренний двор, через которые проникал свет вечернего солнца. Но в отличие от детского сада академия располагалась в ультрасовременном здании с видеокамерами под потолком и автоматическими стеклянными дверями. «Территория находится под видеонаблюдением». Ей пришлось взять себя в руки, чтобы не ударить кулаком по одной из таких табличек.

Сабина знала, что за студенческим общежитием находится лес с учебным полигоном. Там для военно-спортивной группы была организована площадка для паркура, которой можно было пользоваться по вечерам. Сабина прошла мимо кухни и прошагала через столовую. Это был самый короткий путь к общежитию. Может, позволить себе бутылку пива, прежде чем начать пробежку по лесу в кроссовках и термосвитере. По крайней мере, это остудит ее и вернет на землю.

Перед входом в столовую несколько рабочих стояли на лестницах и укладывали под потолком длинный кабель, ви-

димом, чтобы установить еще больше дополнительных камер. Но тот, кто стрелял в Эрика, вряд ли настолько сумасшедший, чтобы еще раз атаковать на этой территории.

Вдруг замигал верхний свет.

– Вот дерьмо, – выругался один рабочий.

Все посетители столовой посмотрели в сторону Сабины. Как Тина и сказала, здесь действительно были ее коллеги. Но и несколько студентов из других курсов: фонетисты, лингвисты и ребята с направления «Криминалистическая техника».

Тина заметила Сабину и помахала ей, подзывая к столу, за которым также сидел и Гомез, ковыряя вилкой еду в своей тарелке. Шёнфельд, с самоуверенной улыбкой на губах, заигрывал с Майкснер. Та успела переодеться в белую обтягивающую футболку.

Подойдя ближе, Сабина слышала, как ее коллеги рассказывали истории из своих прежних рабочих будней. Видимо, они пытались переплюнуть друг друга, соревнуясь в том, кто нашел самый ужасный труп и раскрыл самое сенсационное убийство. Только Тина, которая только что закончила университет, слушала без комментариев.

– Привет, Белочка! – подколот Шёнфельд, когда Сабина встала перед их столом. – Как прошла встреча с президентом? Разрулила все, как обычно?

– Что значит – как обычно?

– Говорят, что ты давно знаешь Снейдера.

Приходить сюда было плохой идеей. По какой-то причине

– Сабина еще не выяснила, по какой именно, – она была для этой группы, возможно, за исключением Тины, как бельмо на глазу.

– Расскажи, зачем ты ходила к Хессу? – спросила Тина, видимо пытаясь разрядить обстановку.

– Как зачем? – перебила ее Майкснер. – Когда это случилось, чтобы бурундук из оперативного отдела попадал в академию?

Сабина промолчала. Ей было очень хорошо знакомо презрительное прозвище бурундук для коллег в синей униформе с погонами. Видимо, и здесь, среди всех этих гениев, ей тоже нужно привыкать к данному понятию.

– А кто сказал, что ты справишься? – наехала Тина на блондинку.

– Не смей меня, малолетка! После вот этого гения... – Майкснер похлопала Шёнфельда по плечу, – на нашем курсе больше всего мозгов у меня. И я не думаю, что та, которая раньше занималась подготовительными работами на улице, доросла до криминалистического анализа. – Майкснер бросила на Сабину пренебрежительный взгляд. – Разве что у нее связи.

Сабина не ответила. В одном Хесс был прав: он действительно запихнул на курс Снейдера всех бунтарей, хвастунов и умников. Но никто из них не знал, что в Мюнхене она посетила все возможные курсы повышения квалификации и профессиональные семинары, чтобы больше не протоколи-

ровать кражи сумочек в пешеходной зоне.

– Откуда вы вообще взяли эту чушь? – спросила Тина.

Гомез отложил вилку.

– Очень просто, – вмешался он в разговор. – Любимице Снейдера не нужно было сдавать вступительный тест, и она прошла процедуру отбора вот так запросто. – Он щелкнул пальцами. – Видимо, она знает не только Снейдера, но и этого Эрика Дорфера и, конечно, президента. Удивительно, чего можно добиться с протекцией, в то время как нам здесь приходится надрывать задницу.

Некоторые из сидящих за другими столами посмотрели на них.

– Похоже, ее даже не мучают угрызения совести, что из-за нее кто-то лишился учебного места, – констатировала Майкснер так, словно Сабины здесь нет.

Класс! Но было и без того ясно, что ее высокоодаренным коллегам понадобится один день, чтобы понять, что это Снейдер предложил ее на эту учебную программу.

– Значит, у Снейдера есть на то причины, – заявила Тина.

– Оставь, – сказала Сабина. Не было никакого смысла оставаться здесь и оправдываться. Даже если от этих упреков у нее раздувались шейные артерии. Места в академии были действительно ограничены, особенно по направлению «Криминалистический анализ». Бесило лишь то, что все думали, будто Снейдер ее как-то выделяет, а с Хессом она прекрасно ладит. Как бы не так!

– Думайте, что хотите, – ответила Сабина. – Желаю вам хорошего вечера. – Как будто ей больше нечего делать, как препираться со своими так называемыми коллегами. Она развернулась и услышала, как Тина встала и тоже покинула группу.

– Да они просто боятся, что ты можешь оказаться умнее их.

– Мне так не показалось, – сухо ответила Сабина. – Почему ты не осталась с ними?

Тина спокойно отреагировала на вопрос.

– Хочу дать шанс посплетничать и обо мне за спиной.

– А сейчас серьезно! – потребовала Сабина. Чего Тина от нее хочет?

– Сегодня мой первый день здесь. Я только сейчас поняла, что это самовлюбленные позеры.

– Ты действительно из Палермо?

– Я провела там первые десять лет. Вначале все думали, что я мальчик. Плевать! Я здесь никого не знаю.

– Не повезло. Я тоже никого не знаю, спокойной ночи.

Тина скривила лицо.

– Ты ведь не собираешься к себе в комнату?

– Я бы сейчас с удовольствием как следует позанималась в спортзале, а потом поплавала бы. Возможно, пойду вместо этого на пробежку.

Тина пихнула ее локтем в бок.

– Эй, ты не единственная, у кого есть связи. Я знаю вах-

тера из главного здания.

– Фальконе?

Тина ухмыльнулась.

– Он из Италии, *carisci*?⁴

– *Carisco*!

– Он может открыть нам зал.

9

В двадцать часов в отделениях Венской больницы, погруженных в матовый неоновый свет, царил абсолютный покой. Последние посетители только что ушли. Рядом с ночной медсестрой за стойкой на шестом этаже сидел охранник. Мелани Дитц показала свое удостоверение, хотя мужчина ее уже знал. Ни он, ни медсестра не сказали ничего по поводу того, что она держала в руке большую плюшевую игрушку коричневого цвета, а рядом бежал золотистый ретривер.

Мелани направилась в отделение психиатрии к палате Клары, перед которой стоял еще один охранник. Тот лишь бросил быстрый взгляд на собаку.

Мелани показала ему свое удостоверение.

– Она спит?

Он помотал головой:

– Смотрит телевизор.

⁴ Понимаешь? (*ит.*)

Мелани прислушалась. Из-за двери доносился голос Хлеба Бернда⁵. Она осторожно постучала. Потом приоткрыла дверь и сначала впустила Шейлу. После вошла сама.

При виде собаки Клара соскочила с кровати. На ней была голубая пижама в цветочек. Горел ночник, и работал телевизор.

Пока Клара гладила собаку и обе, как старые друзья, терлись друг о друга носами, Мелани убавила громкость детской передачи. Она подошла ближе, дала Кларе немного времени, а потом протянула ей мягкого плюшевого пса с висячими ушами и желтыми глазами-пуговицами.

Девочка удивленно рассматривала мягкую игрушку.

– Я знаю, что раньше у тебя был такой, – пояснила Мелани. – Я попыталась найти похожего. Того звали Феликс, верно? Если хочешь, он твой.

Губы Клары разомкнулись.

– Феликс...

Мелани умело скрыла удивление.

– Можно? – спросила она и присела на кровать Клары.

Шейла положила морду на матрас и посмотрела на Клару искренними глазами.

Девочка автоматически коснулась собаки и почесала ей за ухом. Шейла от удовольствия заурчала.

– Шейла... – прошептала Клара.

Мелани улыбнулась.

⁵ Хлеб Бернд – кукольный персонаж и талисман детского телеканала КІКА.

– Ей нравится, когда ты произносишь ее имя.

– Это Феликс. – Другой рукой Клара притянула к себе плюшевого пса. Казалось, что она хочет прижать к себе животных, чтобы те защитили ее.

– Ты золотистый ред ривер? – спросила она собаку.

– Золотистый ретривер, – поправила Мелани.

Клара не отреагировала на замечание Мелани.

И тут Мелани пришла в голову спонтанная идея. Она издавала голос.

– *Я золотистый ретривер.*

Клара прислушалась.

– *Но не чистой породы, как другие, а помесь... во мне есть немного и от волка.*

– Ты можешь сегодня ночью остаться у меня?

– *Я должна спросить хозяйку,* – сказала Мелани.

Шейла раздраженно взглянула на Мелани, потому что еще никогда не слышала, чтобы та говорила искаженным голосом.

– О, пожалуйста, – умоляла Клара.

– *Я думаю, она не против. Но мне необходима еда, а рано утром мне нужно на улицу... Ну, ты понимаешь.*

– Да, я понимаю. – Клара смущенно захихикала. – Но твоя хозяйка может забрать тебя рано утром. Ты можешь спать здесь на этом покрывале. Кроме того, у меня для тебя кое-что есть. – Клара открыла ящик прикроватной тумбочки. – Я припасла это для тебя... ветчина и сыр.

– Сыр можешь съесть сама, а ветчина пахнет вкусно.

Клара протянула собаке ветчину, которую та жадно схватила.

– Совсем неплохо, у тебя еще есть?

– Да, момент. – Клара порылась в тумбочке.

Пока Шейла жевала ветчину, Клара скатала сыр в трубочку и сунула себе в рот.

– А где ты была так долго?

Клара немного помолчала.

– Я не помню.

– Не думай больше об этом. В любом случае сегодня ночью я останусь с тобой, здесь ты в безопасности.

– Спасибо. – Клара опустила голову на подушку и заглянула собаке в глаза. – Надеюсь, мужчина в огненно-красной маске больше никогда не придет.

Первые врата Ада

«Любое начало тяжело. Разве не так говорится? Так оно и есть. Первые надрезы, вспарывание, отделение, вычищение, расчленение. Много частей, много крови. Уже скоро мой мир превратится в сплошное вязкое болото. Но я принимаю все это. Как-никак я долго это планировал, готовился и, наконец, решился. Крики становятся громче, как только я врезаюсь в их плоть. Без глаз они не могут видеть меня, и у них нет языков и губ, чтобы выговорить слова, но из их глоток

вырываются вой и вздохи. Скоро я положу всему этому конец одним аккуратным разрезом, но сейчас заставляю себя успокоиться.

Я хочу сделать это точно так, как он тогда. Но как только он выносил крики и многочасовые слезы? Меня раздрают сомнения. Я не такой, как он, мне не хватает убежденности, необходимости и призвания сделать это.

Но иначе зачем я здесь? Я должен окончить это.

Наконец крики умолкают. Грудь поднимается, сердце слабо бьется еще два раза, дыхание утихает. Конечности цепенеют, остывающие тела оседают.

Наконец возвращается покой. У меня в голове становится тихо. Спокойной рукой я начинаю работать. Нет никого, кто мог бы отвлечь меня. Никого живого, кто спутает мои мысли. Я уже на правильном пути.

Сначала я меняю глаза, чтобы они больше не смотрели на меня. Они становятся моими творениями. Я властвую над ними и могу формировать их по собственному желанию. Я лишаю их улыбки и меняю им рты.

Спокойствие, с которым они терпят мою работу, дает мне необходимую силу и вдохновение для новых творческих путей. Я знаю, что еще в самом начале всех возможностей. Скальпель может разделить все именно так, как я хочу, и сделать то, что представляется мне в моем всемогуществе.

Скоро мое сознание отключится. И начнется безмятежное творчество. Я создаю нечто новое, как в бреду, форми-

рую и леплю, словно в горячке. Наверное, так чувствовали себя Да Винчи или Роден, когда опускали руки в мягкую, податливую массу созидания.

Моя фантазия не знает границ. Каждая часть тела объединяется в одно целое. Метаморфоза происходит словно сама собой. Я просто ее инструмент. Она подчиняет меня себе, и я дарю ей безумие, боль и смерть.

В моих руках сменяются скальпель и игра, нитки и проволока. Стекло лампочек, кукольные суставы, столовые приборы из ящика, гвозди из шкафа для инструментов... Уже скоро не существует никаких границ, и общая картина улыбается многочисленными новыми ртами и смотрит многими, многими глазами.

Мое произведение не от мира сего. Я перешагнул эту границу, бросил взгляд в темноту, открыл свою душу вдохновению и создал непостижимое новое воплощение. Через него я стал бессмертен.

Я черный Бог Ада.

Как я только мог сомневаться в себе?

Мои начальные угрызения совести утихли. Важно лишь, чтобы он увидел, что все выполнено, и чтобы они поверили, что это сделал кто-то другой».

II. Вторник, 3 сентября

Чем плотнее толпа людей, тем быстрее распространяется эпидемия Зла, тем продуманнее и ужаснее его средства, тем очевиднее его решительность.

Теодор Рохолл

10

На ночь Мелани сдвинула два плетеных кресла в больничном зале для посетителей и спала там. Все это время Шейла спокойно лежала в палате Клары. На следующее утро Клара и Шейла вместе позавтракали, затем Мелани отправилась со своей собакой в ближайший парк, где даже оказалась площадка для выгула с поилкой.

Пока Шейла носилась, Мелани набрала номер мобильного Хаузера. Тот сразу ответил.

Мелани взглянула на наручные часы. Было 7:30.

– Разбудила?

– Нет, я уже давно встал, – простонал он. – Что нового?

– Это я вас хотела спросить. Для меня есть какие-нибудь новости? – Мелани услышала отдаленные голоса.

– Студенты полицейской школы с ищейками нашли сего-

дня утром труп девочки в Венском Лесу.

– И вы даже не позвонили мне?

– Мы еще не знаем, имеет ли это какое-то отношение к нашему делу.

– Где именно?

Хаузер помолчал.

– У источника Агнессы. Это...

– Я знаю, где это, – перебила она его. – Примерно в трех километрах от того места, где была найдена Клара.

– Да, – проскрипел Хаузер.

Значит, ее решение удвоить радиус оказалось верным.

– Вы уже знаете что-нибудь о мертвой?

– Нет, сотрудники экспертно-криминалистической службы как раз выкапывают ее.

– Спасибо, отличная работа. – Мелани положила трубку и свистнула. Шейла тут же подбежала к ней, и Мелани взяла ее на поводок. Собака бросила на хозяйку полный ожидания взгляд.

– Мы едем в лес.

Трактир «У источника Агнессы», исходный пункт многочисленных любителей пеших маршрутов, был в это время еще закрыт. Однако на парковке стояло машин шесть, все принадлежали Венской уголовной полиции и Федеральному ведомству по уголовным делам.

Мелани припарковала свой автомобиль рядом с другими

и вышла наружу. Солнце еще пряталось за дубами, которые отбрасывали длинные тени. Мелани знобило. Она накинула жилетку и открыла заднюю часть кузова, где Шейла мирно спала на противоскользящем коврике. Она взяла собаку, которая немедленно проснулась, на поводок и направилась с ней через парковку к лесной дорожке – полиция уже маркировала ее белой оградительной лентой с двумя красными полосами.

Ей навстречу из леса вышел Хаузер, разговаривая по телефону. Как только он увидел ее, сразу сунул сотовый в карман.

– Что вы здесь делаете? Это дело еще не ваше.

– Это я вам скажу, как только взгляну на спину трупа... и, между прочим, доброе утро!

– Доброе, – буркнул он. – У вас других дел нет?

– Три, если быть точной, – но они близятся к завершению, там осталась только бумажная война.

Хаузер был небрит, и от него пахло кофе. Галстук криво повязан, к ботинкам прилипла грязь и листва. Похоже, он здесь с самого раннего утра.

– Как далеко в лесу нашли девочку?

– У старого источника Агнессы, примерно в пяти минутах ходьбы отсюда. Вообще-то, я собирался сейчас допросить владельца трактира.

Она проскользнула под оградительной лентой и взяла Шейлу на короткий поводок.

– Тогда я вас не задерживаю.

Хаузер пробормотал что-то невнятное и последовал за ними. При этом он подозрительно посмотрел на Шейлу, но ничего не сказал.

– Если бы я знал, что вы тут же появитесь здесь, то даже не упомянул бы о находке. Я задаюсь вопросом, зачем вы сюда приехали.

Мелани остановилась.

– Черт побери, в чем ваша проблема?

Шейла наострила уши, услышав резкий тон Мелани.

– Могу вам объяснить. – Хаузер поднял плечи. – Я хотел бы работать с непредвзятым прокурором.

– По-вашему, я не такая?

– Вы знаете Клару и дружили с ее умершей матерью.

– Боже мой, вы себя вообще слышите? – Мелани пошла дальше. – Прокуроры имеют право братья за дела, даже если лично знают жертву.

– Ради бога, но мать Клары была вашей лучшей подругой. Этот случай задел вас эмоционально, и вы считаете, что должны контролировать каждый мой шаг.

– И это вас беспокоит?

Хаузер ничего не сказал. Этот мерзавец подслушивал под дверь, когда она была у Клары в больнице. Разумеется, ему гораздо милее был бы другой прокурор, который будет неторопливо вести дело. Между тем и Хаузер тоже не самый ее любимый кандидат для ведения расследования.

Шейла послушно бежала рядом с Мелани по тропинке.

– Послушайте, я не хочу с вами ссориться. Для вашего успокоения – я не видела Клару три года и даже не знала, что ее мать умерла год назад.

– Но вы знали, что Клара исчезла год назад... – с легким упреком заметил Хаузер.

– Нет, девочка, как и ее мать, взяла фамилию Брайншмидт. Кроме того, в СМИ не сообщали об исчезновении Клары, не публиковали ее фотографию.

– Уполномоченный прокурор и я имели причины держать расследование в тайне от прессы.

– Да, великолепная работа! Браво!

– Вы собираетесь указывать мне, как я должен выполнять свою работу?

Тут Мелани не выдержала:

– Я бы вела расследование иначе, подключила бы прессу, показала бы видео Клары и выслушала бы ее подруг. Но вы этого не сделали, потому что надеялись быстро найти пропавшую девочку, не привлекая внимания прессы. Я права? О господи, возможно, вы упустили решающих свидетелей!

Хаузер закрипел зубами.

– Мы все знаем, как заканчивается похищение с большой шумихой в прессе и чрезмерной публичностью. – Он развел руками. – Преступник впадает в панику, что сосед может случайно узнать жертву, теряет самообладание, убивает похищенную и прячет труп. Вы пошли бы на такой риск?

Мелани молчала.

– С моим методом Клара все-таки выжила, и ей удалось сбежать, – продолжил Хаузер.

– Но то, что она до сих пор жива, связано, скорее всего, лишь с тем, что татуировка у нее на спине еще не завершена.

Они дошли до источника Агнессы. Маленькая лесная поляна была обрамлена деревьями с желтыми и оранжевыми кронами. Скалы, частично скрытые листвой, окружали прогалину. Вода из источника на одной из этих скал медленно стекала в водозабор, который по высоте не доходил даже до лодыжки. Рядом стояла скамья и распятие. Этот источник якобы приносил счастье... Но, видимо, не каждому.

Мелани посмотрела в лес, где несколько человек выкапывали труп из земли.

Хаузер указал на огражденную тропу, которая вела к месту находки.

– Хотите посмотреть на убитую? – Его слова прозвучали примирительно.

– Да, спасибо, после вас.

Хаузер прошел вперед. Мелани привязала поводок к крепкому суку и приказала Шейле сидеть. Затем последовала за Хаузером.

В двух метрах от места обнаружения трупа она остановилась. Пока полицейские обследовали окрестности, коллеги уже полностью раскопали труп девочки на глубине полуметра. Две яркие лампы на штативах освещали место захороне-

ния.

Фигура и размеры трупa указывали на то, что это ребенок от десяти до четырнадцати лет. Голое, завернутое в полиэтиленовую пленку тело лежало на спине. Коллеги Хаузера уже вскрыли пленку и начали исследование. Плоть полностью почернела и сильно истлела. Пока больше ничего нельзя было сказать.

– Что нам известно на данный момент? – спросила Мелани.

– Немного, за исключением того, что у нее, похоже, нет переломов костей и она лежит здесь уже минимум полгода.

Мелани взглянула на источник, распятие и скамью. Место захоронения находилось всего в нескольких метрах от лесной тропы.

– Убийца сильно рисковал, когда закапывал ее здесь.

Хаузер кивнул.

– Место еще называется «Источник девственниц».

– Думаете, это что-то означает?

Хаузер пожал плечами:

– В любом случае мы должны обыскать весь участок леса, возможно, это еще не все жертвы.

В следующий момент сотрудники экспертно-криминалистической службы подняли труп из ямы и положили рядом на подложку. Осторожно перевернули мертвую на живот. Тут же защелкали фотоаппараты. В свете вспышек Мелани увидела спину девочки. Кожа от лопаток до самой поясницы

отсутствовала. Оголенный позвоночник был словно отлит из смолы. Кости блестели от вспышек фотокамер.

Мелани отвела взгляд и сделала глубокий вдох и выдох.

– С вами все в порядке?

«Ничего не в порядке!»

– Видите, это наш случай, – сухо ответила Мелани. – Что, если Клара, мертвая румынка и эта третья девочка были не единственными детьми? Если в том месте, где держали Клару, есть еще такие же жертвы, как она? Возможно, некоторые из них еще живы.

– Да, – согласился Хаузер. – Мы должны найти мерзавца, и как можно скорее.

Мелани кивнула. Именно это она и собиралась сделать.

11

– Катарине двадцать один год, и она умная молодая женщина. К тому же писаная красавица и студентка психологического факультета, – рассказывал Снейдер. – Ее мечта: однажды стать психотерапевтом.

Он ходил по аудитории и вертел в руке пульт управления.

Была ровно одна минута девятого. Прошлым вечером Тина и Сабина хорошенько попотели в фитнес-центре и поплавали в бассейне, а затем пошли в ирландский паб, где Сабина два часа без остановки рассказывала об Эрике. После этого она спала уже намного лучше, чем накануне, – кроме того,

сегодня в обеденный перерыв она снова навестит Эрика в больницу.

Тина сидела на своем месте свежая, как огурчик, заинтересованная и будто заново родившаяся. Чем больше эта женщина пила, тем активнее становилась, подумала Сабина. Яркосиний нетбук Тины был раскрыт, и она, летая пальцами по клавишам, записывала самые важные данные. Это было наверняка разрешено, а потому Снейдер вряд ли подойдет и выбросит нетбук в корзину для мусора.

Снейдер затемнил помещение и включил видеоряд. На экране была молодая женщина, которая вела оживленное благотворительное мероприятие. Фильм был профессионально смонтирован, с использованием съемки с движения и наложением высокопарной музыки в исполнении оркестра. Сабина была очарована молодой женщиной на экране. Обворожительное создание с курносым носиком и веснушками, веселым нравом и ослепительной улыбкой. Сабина только не знала, куда клонит Снейдер.

Когда видео закончилось, Шёнфельд наклонился к Майкснер и достаточно громко прошептал ей в ухо, так что слышала даже Сабина, сидевшая в другом ряду.

– Она наверняка стала бы пятой на нашем курсе...

– Шёнфельд! – оборвал его Снейдер. – Говорите, чтобы слышали все.

– По какой специальности учится Катарина? – быстро нашелся Шёнфельд.

– Интегративная психотерапия, – ответил Снейдер. – Катарина из Австрии. Она живет на краю Венского Леса и учится в университете Вены. Во время летних каникул она работает гувернанткой в местечке Санкт-Петер-Ординг, расположенном на берегу Северного моря, и время от времени подрабатывает официанткой в кафе одной неврологической клиники – не столько ради денег, сколько из научного интереса.

– Почему об этой обычной студентке сняли такое затратное видео? – спросила Майкснер.

– Она не обычная студентка, а племянница одного австрийского дипломата и часто бывает на публике во время благотворительных мероприятий. Этого достаточно, я не могу раскрыть вам прочие детали, касающиеся семьи.

– Горячая штучка, – прокомментировал Гомез.

Снейдер проигнорировал это замечание.

– А сейчас я покажу вам, что с ней сделали. – Он нажал на кнопку пульта дистанционного управления.

На экране появилась картинка. Сабина тут же отвернула голову. Даже Тина закрыла глаза. Сделав глубокий вдох и выдох, Сабина заставила себя снова взглянуть на экран и рассмотреть фотографию. Катарину было невозможно узнать. Части тела и куски плоти висели на шнурах на деревянной свае, прочие останки лежали в песке и служили пищей червям, улиткам и морским крабам.

На этот раз Снейдер не заставлял их реконструировать

преступление, а сам рассказал, что случилось, одновременно раздавая материалы с заключением судмедэкспертов.

– Примерно три года назад, в пятницу двадцать четвертого сентября, кто-то усыпил Катарину хлороформом, незаметно дотащил через длинный деревянный причал до моря, привязал к деревянной свае, закопав до бедер в ил, дождался, когда она пришла в себя, и обычным складным ножом, которым обычно режут сало, жестоко изувечил. Затем, предположительно, дождался прилива и смотрел, как Катарина медленно умирает в прибывающей морской воде.

«Жестоко изувечил» слишком безобидно сказано, подумала Сабина. Здесь больше подходило – раскромсал на куски вдоль и поперек.

– По расчетам судмедэкспертов, она умерла в 18:50, когда прилив достиг максимума. Солнце зашло лишь полчаса спустя. И все равно свидетелей не было.

Все углубились в медицинский отчет, а Снейдер продолжал:

– Почему преступление совершено именно так и никак иначе? Катарина уже не может рассказать нам свою историю. Теперь мы должны рассказать ее историю. Гомез, ваша очередь. Кто мог совершить это убийство?

Гомез, который сидел в вальяжной позе, подобрался.

– До этого были подобные убийства?

– Ничего похожего.

– Тогда будем исходить из того, что это было его первое

преступление.

– Откуда мы знаем, что это был он? – перебил Снейдер.

– Картина, которую оставил нам убийца, указывает на рецидивиста. В Германии за последние семьдесят лет было около двухсот серийных убийц, которые, согласно статистике, совершили от четырех до пяти убийств. Лишь пять процентов преступников – женщины.

– Вы почерпнули эту мудрость в Интернете?

– Да, – ответил Гомез. – А конкретно: в статье, которую вы написали.

Снейдер поджал губы.

– Тогда это похоже на правду. Дальше!

– Прежде чем совершить убийство, преступник много лет жил фантазиями и наверняка сотни раз представлял себе это конкретное убийство. Он себя, так сказать, сам запрограммировал.

– Гомез! – Снейдер помахал рукой. – Используйте оба полушария головного мозга! Дайте нам детали.

– Знала ли Катарина своего убийцу? Вероятно, нет, иначе дело не осталось бы нераскрытым три года спустя. Но с незнакомцем она не пошла бы к морю по длинному деревянному причалу, так что, предположительно, он усыпил ее хлороформом еще на суше. Девятьсот метров до моря он нес ее на руках. Весит она, похоже, около пятидесяти пяти килограмм. Так что полагаю, он высокий и сильный.

– Гомез! – снова прервал его Снейдер. И одновременно

поднял вверх три пальца. – Резюмируйте свои выводы в трех коротких точных предложениях. Сможете?

Гомез сел еще прямее и подумал несколько секунд.

– Он не использовал ни рыбацкого ножа, ни морских узлов, значит, это не рыбак и не матрос. Так как хлороформ действует недолго, ему приходилось повторять дозу, но он наверняка не хотел ждать слишком долго, пока Катарина придет в себя, – что указывает на медицинские знания. Я предполагаю, что преступнику тридцать лет, он холост, у него мало практических навыков, зато отличное умение планировать. Возможно, он ненавидит женщин.

Снейдер недовольно наморщил лоб.

– Вы в тупике. Развивайте в себе способность отличать суть от несущественного.

– То, что он не изувечил ее вагину, может также означать и то, что он не испытывал ненависти к женщинам, – исправился Гомез. – По крайней мере, я не вижу признаков сексуальной ярости.

– Лучше. – Снейдер кивнул и поднял вверх три пальца другой руки.

– Майкснер, теперь вы.

– Он осознанно выбрал жертву и наверняка наблюдал за ней несколько недель, прежде чем убить. Это означает, что он может проживать недалеко от места преступления. Однако в этом случае мы бы уже давно его нашли. Значит, он мобилен и имеет водительские права – если только он не жи-

вет... – Она задумалась. – А после были подобные убийства?
– Нет.

– Предположительно, ему просто не подвернулась подходящая возможность, – продолжала Майкснер. – Вы сказали, что Катарина подрабатывала официанткой в неврологической клинике. Где та находится?

– В Санкт-Петер-Ординге, на прогулочной набережной.

– Возможно, преступника можно найти среди пациентов этой клиники. Меня, как следователя, интересовали бы досье и медицинские карты больных.

– Клиентов! – исправил ее Снейдер, полез в ящик и достал пять папок. В каждой находилось по двадцать пять бланков с основными данными клиентов, которые могли быть приняты в расчет.

Просмотрев бумаги, все сошлись на одном кандидате: двадцатипятилетием Симоне Каспареке, который проходил в клинике стационарное лечение. До этого он был фермером и работал комбайнером на полях своей матери. Одним дождливым днем он собирал кукурузу, но, так как дождь все усиливался, его мать побежала на пашню, чтобы позвать сына домой. Из-за высокой кукурузы он не увидел ее приближения, мать попала в силосорезку и была изувечена ножами. Он пытался вытащить ее, но безуспешно. С тех пор Каспарек мучался от сильного чувства вины. Первую попытку самоубийства предпринял спустя две недели после несчастного случая, последнюю – за пару дней до убийства Катарины.

– Кроме того, Каспарек страдает пограничным расстройством личности и синдромом Аспергера, – объяснил Снейдер. – Оба нарушения идентичности дают вкупе очень редкую и не менее взрывную комбинацию.

Снейдер вывел на экран фотографию Каспарека. На вид около тридцати, неухоженная трехдневная щетина, узкое, непропорциональное лицо.

– Гомез, что вы знаете о пограничном расстройстве личности?

– Такие люди боятся быть покинутыми. Для них характерно суицидальное или самотравмирующее поведение, они также не способны контролировать свою агрессию по отношению к окружающим. Часто случаются кратковременные параноидальные...

– Гомез, избавьте меня от этого говна из учебника, – пробурчал Снейдер. – Я расскажу вам кое-что о Каспареке. Он пытается избавиться от чувства внутренней пустоты. Это начинается однажды утром, когда во время бритья он прижимает помазок к коже сильнее, чем это необходимо. Если чувство пустоты остается, то он кусает себя или бьется головой о стену. За этим следуют несколько попыток суицида. – Он сделал паузу. – Шёнфельд, что вы знаете о синдроме Аспергера?

– Э-э-э... ничего.

– Неверный ответ. Мартинелли?

– Жизнь Каспарека определяется рутиной. Например, он

постоянно переходит улицу в одном и том же месте или сидит в автобусе всегда на одном и том же сиденье по ходу движения. Как только что-то меняется, он уже не может с этим справиться. Кроме того, он не в состоянии понять чувства других. Возможно, это и есть причина, почему он перенес Катарину к морю, несмотря на опасность быть увиденным другими, – они ему просто безразличны.

– Но какой у него мотив? Почему он это сделал?

– Итак... – Тина повертела между пальцами ручку, прежде чем ответить. – Каспарек безэмоционален по отношению к другим, однако это не касается его собственного чувства вины. Он не может избавиться от кошмарной навязчивой мысли, что именно он виновен в том, что случилось с матерью. Эти повторяющиеся видения сводят его с ума. Его единственный шанс на выздоровление – окончательно вытеснить эти образы из головы, и для этого он должен заменить воспоминание о своей матери на воспоминание о ком-то другом. – Она неуверенно посмотрела на Снейдера.

Тот кивнул.

– И он убивает другого человека, с которым у него нет близких отношений, – продолжила Тина. – Поэтому он и располагает тело Катарины так, как если бы она попала в силовую резку. Морская вода символизирует дождь, который шел в тот день.

– Видите, получается же. – Снейдер казался довольным.

Пока Сабина включала сотовый и кликала по экрану,

Снейдер заговорил громче:

– Я вижу, что вы можете больше, чем просто дышать нашим чистым лесным воздухом Гайсберга. Постепенно вы начинаете заслуживать свою зарплату. Значит, с убийцей все ясно, – резюмировал он. Никто ему не возразил. – Немез! Вам наскучили наши рассуждения?

Она на секунду подняла глаза от экрана и продолжила печатать.

– Черт возьми, что там такого важного? – крикнул Снейдер. – Отложите телефон в сторону!

– Я только что погуглила погоду двадцать четвертого сентября того года.

Снейдер с любопытством смотрел на нее.

– И как вам помогут эти знания?

– Вы прежде сказали, что убийца незаметно перенес свою жертву к морю. Кроме того, вы утверждаете, что Каспарек не в состоянии понять чувства возможных свидетелей, поэтому не учел опасность быть замеченным. Лишь субъект с подобной клинической картиной мог так рисковать и тащить женщину в бессознательном состоянии через весь причал.

– Вы лишь повторяете то, что мы уже знаем.

– Но все это было совсем не обязательно! – заявила Сабина. – Ему не нужно было ни осторожничать, ни бояться, что за ним наблюдают. В тот день в 18 часов было не просто дождливо. Хлестал настоящий ливень, и штормовой ветер гнал его с побережья в открытое море. Небо до горизон-

та было затянуто темными тучами. Рестораны закрыты. На деревянном причале гарантированно никого не было.

– Хорошо – поставьте себя на место преступника и опишите его чувства! – потребовал Снейдер.

– Он поднимает женщину... – Сабина на мгновение замолчала и закрыла глаза. – Дождь хлещет ему в лицо. С усыпленной женщиной на плече он тяжело шагает по волнорезу.

Тут Катарина приходит в себя. Но ему не нужна еще одна доза хлороформа, потому что шторм все равно относит ее стоны в море. Она начинает двигаться – это заставляет его быстрее идти туда, где кончается причал и где на темном горизонте он наконец видит блеск волн. Он увязает в иле, пробирается дальше. Его личный катарсис в том, чтобы отнести эту женщину к предназначенному для нее месту...

Сабина открыла глаза.

– И какой вывод из этого вы делаете? – спросил Снейдер.

– Это мог быть кто угодно.

Шёнфельд и Майкснер снисходительно улыбались и качали головой.

– Правильно, – спустя какое-то время подтвердил Снейдер. – Каспарек не был осужден.

Шёнфельд развернулся.

– Почему?

«В таком случае дело было бы закрыто, гений», – подумала Сабина.

– По трем причинам. – Снейдер поднял руку. – На месте

преступления не взяли следы ДНК. Признание было выбито из Каспарека сотрудниками полиции, расследующими этот случай, и обыск его палаты проходил без соответствующего ордера, из-за чего доказательства и улики не могли быть учтены в суде.

– Почему снова не открыли производство по этому делу? Снейдер вальяжно сел на стол рядом с кафедрой.

– Когда-нибудь слышали о «парадоксе Кеннеди»?

Все помотали головой, Сабине это понятие тоже не встречалось ни разу за всю ее карьеру.

– Вы знаете такое из новостей: если происходит убийство известной личности, как, например, Кеннеди, к расследованию неожиданно подключаются высокопоставленные чиновники высшего уровня, которые не имеют понятия о работе на улице. И случаются ошибки, которые обычно допускают только дилетанты. – Снейдер вздохнул. – Здесь похожий случай. Катарина была племянницей австрийского дипломата, и делом вдруг стали заниматься высокие начальники.

– Кто руководил расследованием? – спросила Тина.

– А вы как думаете? – ответил вопросом на вопрос Снейдер.

– Президент Хесс лично?

Снейдер ничего на это не сказал.

– Как бы то ни было, настоящего преступника так и не схватили.

– А почему вы считаете, что это был не Каспарек? – спро-

сила Тина.

Снейдер, все так же сидя на столе, оперся локтями о кафедрu.

– Просто... если все совпадает и сходится, то что-то не так. Все было слишком гладко. Настоящий убийца за несколько недель или месяцев до преступления достал, как и мы, медицинские карты всех клиентов неврологической клиники. Возможно, он, как и мы, наткнулся на Каспарека, на его чувство вины в смерти своей матери, на протоколы сеансов психотерапии, описания его ночных кошмаров и фотографии с места несчастного случая.

Пока Снейдер говорил, Сабина еще раз пролистала досье Каспарека. На копии допроса, который проводили всего несколько недель назад, она узнала смазанную подпись сотрудника, ведущего расследование: «Эрик Дорфер». По спине у нее пробежал холодок. Ее голову словно окунули в ледяную воду. Простое совпадение или система заключена в том, что Снейдер разбирает с ними только те дела, над которыми работал Эрик?

– ...После этого убийца разрезал Катарину на части, чтобы она выглядела как мать Каспарека. – Снейдер понизил голос. – Как будто и она попала в силосорезку в тот дождливый день.

Сабина открыла рот, но Снейдер не дал ей сказать ни слова.

– Нет, я не думаю, что Каспарек был настоящей целью

убийцы, который хотел повесить на него преступление, – Катарина была первичной и основной целью, а Каспареку просто отводилась роль козла отпущения.

– Я хотела сказать кое-что другое, – пробормотала Сабина. Все же она поостережется еще раз произносить фамилию Эрика на занятии.

Снейдер раздраженно махнул рукой.

– Ну, что там?

Сабина заскрипела зубами.

– Точно так же, как и в деле Centipede, убийца оставил ложные следы, чтобы подозрение пало не невиновного человека. Там берлинский гинеколог, здесь мужчина с диссоциативным расстройством идентичности из Санкт-Петербурга.

Снейдер поднялся со стола и махнул рукой, словно уже знал, куда она клонит. Но Сабина не дала сбить себя с мысли.

– В обоих случаях речь может идти об одном и том же преступнике.

– Полностью исключено, – возразил Снейдер. – Методы убийц различаются. В одном случае использовали рогипнол, в другом хлороформ. Там скальпель, здесь складной нож. Кроме того, на основании резаных ран судебный медик исходит из абсолютно разных физических характеристик преступников.

– Но...

– Что – но? – воскликнул Снейдер и направился к Сабине.

не. – Вы всерьез думаете, что мы с Бессели, как и еще десяток прочих специалистов БКА, не сравнили бы эти два случая друг с другом? Это определенно два разных почерка! Никакого сходства нет!

– Есть, – возразила Сабина. – Попытка оставить фиктивные следы.

– О боже, вы пока что выдавали неплохие идеи, но что это за притянутая за уши теория? Подумайте сами! – сказал Снейдер. – Вы утверждаете, что судмедэксперт ошибся.

– Может...

– Может, вы не доросли до этого дела и оно превосходит ваши способности, – перебил он ее. – Вместо того чтобы фантазировать, вам следует вернуться в реальность.

Сабина замолчала. Она заметила, как ее рука сама собой сжалась в кулак под столом. Конечно, это была настоящая находка для других, которые обменивались многозначительными взглядами. Лишь вчера Снейдер просил студентов предлагать новые теории и быть открытым для всего – но в следующий момент душил на корню любое креативное начало. Снейдера словно подменили. К тому же она не ожидала от него такого непоследовательного поведения. Это было непривычно. С ним творилось что-то, чего она не понимала своим куриным умишком?

– Мы снова увидимся завтра в восемь утра. – Снейдер завершил занятие.

Сабина уже не слушала. Она изучала медицинское заклю-

чение и искала подпись судебного медика. И вдруг испытала дежавю: его звали доктор Лауренц Белл.

12

Мелани ехала по Анрайнерштрассе к своему земельному участку на озере. Ей казалось, что ее желудок – это бездонная темная дыра. Нужно как-то выбросить из головы картинки разложившейся изуродованной девочки в полиэтиленовом пакете. Одно дело видеть такое на фотографиях уголовной полиции и представлять их в зале, и совсем другое – стоять в двух метрах, чувствовать запах тела и слышать хруст суставов.

«Подумай о чем-нибудь другом!»

Она опустила стекло, и в машину ворвался пряный запах озера. Было десять часов утра, и несколько серфингистов уже выталкивали свои доски из воды. Издалека она видела свой дом. Вообще-то, он принадлежал им с Герхардом. Они долго искали участок, пока наконец не наткнулись на этот на озере Нойзидлер, в сорока пяти километрах на юго-восток от Вены. Расположение было идеальным для обоих и не мешало их работе. Герхард был судебным репортером и, как и Мелани, имел дома собственный офис. Кроме того, оба любили работать в тишине и уединении.

Они отремонтировали дом, оборудовали мансарду и построили зимний сад с большой верандой. К тому же участок

был достаточно большим и для хобби Герхарда: они с Мелани любили заниматься дайвингом на озере, и иногда он нытался на разный металлолом, который вытаскивал на берег и затем переплавлял в произведения искусства в своей мастерской. По крайней мере, он утверждал, что это искусство. К счастью, у Мелани были хорошие контакты с галеристами, которые забирали у них те работы, в которых сквозило что-то необъяснимо апокалиптическое. Но некоторые выглядели совсем неплохо и даже находили применение в доме в качестве столов или настольных ламп.

Мелани припарковала внедорожник рядом с мастерской Герхарда и выпустила Шейлу из кузова. Собака тут же побежала к берегу озера и принялась резвиться в камышах. Над водой стоял туман, но утреннее солнце его скоро разгонит.

Через окно мастерской Мелани увидела вспыхивающие искры. У Герхарда был выходной – это означало, что он не писал репортажи, а работал над своим новым творением. Она не хотела ему мешать. Вчера вечером она отправила ему сообщение, что проведет ночь с Кларой в больнице. Мелани постучала в окно и через засаленное стекло послала Герхарду воздушный поцелуй. В знак приветствия он коснулся сварочных очков и снова склонился над конструкцией, чей каркас напоминал средневековую «железную деву»⁶. «Отврати-

⁶ «Железнаядева» – орудие смертной казни или пыток, представляющее собой сделанный из железа шкаф, внутренняя сторона которого усажена длинными острыми гвоздями.

тельно!»

Мелани нуждалась в сахаре, чтобы прийти в себя и раскататься. Она сварила себе в кухне какао, намазала хлеб вареньем, достала из ящика яблоко и «сникерс» и с подносом пошла к себе в кабинет. Сегодня у нее не запланировано никаких встреч в суде, и она поработает дома. Ее домашний кабинет был просторным и светлым. Письменный стол стоял перед панорамным окном, которое выходило на озеро. Время от времени Мелани отрывала взгляд от компьютера и наблюдала за Шейлой, которая как сумасшедшая носилась по лужайке, валялась в мокрой траве и пыталась схватить пастью росу с травинок. Собака еще немного побегала, а потом исчезла из вида. Вскоре Мелани услышала, как щелкнула дверца для собак и лапы застучали по паркетному полу. Шейла мордой толкнула притворенную дверь в кабинет, прошла в комнату и растянулась на спине под письменным столом, раскинув лапы в стороны.

– Даме не подходит такая поза, – пожурела ее Мелани.

Но, похоже, Шейле было все равно. Она хотела, чтобы ей почесали живот.

Спустя час, в течение которого Мелани работала над другими делами, иногда поглаживая ногой собаку по животу, позвонил врач Клары. Он начал без обиняков:

– Я попытался получить медицинскую карту пациентки Ингрид Брайншмидт, но это невозможно.

Мелани вздохнула. Нет ничего невозможного, если быть

настойчивым.

– Что вы предприняли? – спросила она, устав от вечных отговорок.

– Я разговаривал с главным врачом.

«О господи!» – Мелани ударила себя ладонью по лбу.

– Для получения данных пациента нам необходимо согласие суда.

Логично! Но Мелани было ясно, что в данном случае она не получит судебного постановления, потому что смерть Ингрид не имела никакого отношения к исчезновению ее дочери.

– Вы знаете, кто был ее домашним врачом?

– Да, но можете не тратить на него время. Он апеллирует к врачебной тайне. К тому же для передачи сведений об Ингрид Брайншмидт ему необходимо согласие ее супруга. У вас оно есть?

– Нет, согласия у меня нет, спасибо. – Мелани повесила трубку и раздраженно бросила сотовый на письменный стол. Какой же бюрократ!

Шейла вскочила со своего места и побежала к двери. В кабинет вошел Герхард. Шейла бурно приветствовала его, и он погладил ее по спине. Герхард был на семь лет старше Мелани и в этом году отпраздновал пятидесятилетие. Он был одного с ней роста, и на висках у него уже появилась первая седина – что в глазах Мелани делало его очень сексуальным.

Он поправил очки на носу и поцеловал Мелани.

– Что, не в духе?

От него пахло металлом, но от рук исходил аромат мыла. Мелани была рада, что он смог на несколько минут оторваться от своего творения.

– Обними меня, – вздохнула она.

– Настолько плохо? – Герхард наклонился к ней и крепко прижал к себе.

– Сегодня утром я была в Венском Лесу. Там нашли труп девочки. Это ужасно... – с трудом выговорила она.

– Милая. – В его голосе прозвучал упрек. – Предоставь это специалистам экспертно-криминалистической службы и судебным медикам. – Он встал за ее крутящимся стулом, откинул волосы и стал массировать ей шею. – Как прошла ночь у Клары в больнице?

– Она заговорила и сообщила первую полезную информацию. Уголовная полиция уже работает над этим. Мы ищем мужчину с красной маской.

– Это же здорово.

– Да, но врач Клары не очень охотно сотрудничает. Бюрократ, который, похоже, боится за свое место. Кроме того, я снова работаю с группой Хаузера. Бесчувственный старый холостяк. Даже кофе мне не принес.

– Ты ведь его не пьешь.

Мелани развернулась на стуле.

– Ну и что?

– Женская логика. – Герхард нахмурил лоб. – Хаузер?

– Да, ты его знаешь, он уже слишком долго работает на своем месте, не особо мотивирован и несет службу согласно предписаниям.

– Ах да. – Его лицо прояснилось. – И он не может терпеть молодую энергичную и чересчур мотивированную женщину-прокурора, которая не всегда придерживается правил.

– Молодую? Спасибо за комплимент.

– Пожалуйста. Это тот тип, который держит дома игуану?

– Геккона, – ответила Мелани. – К тому же он не умеет обращаться с детьми.

Герхард засмеялся.

– Это не его работа. Он должен найти мужчину, который сделал это с Кларой.

– Ты прав. – Она прислонилась головой к Герхарду, а он продолжал массировать ей шею. Много лет Мелани обсуждала с ним дела и рабочие проблемы, хотя вообще-то это было запрещено, потому что он писал судебные репортажи для газет. Но в этом случае она плевала на свою обязанность неразглашения служебной тайны, потому что Герхард никогда бы не злоупотребил этими знаниями. Он был в курсе многих вещей, и беседы с ним иногда наталкивали ее на новые мысли. Кроме того, он умел хранить секреты.

– Видишь, все не так страшно. – Он погладил Мелани по щеке. – А я уже думал, у тебя снова ПМС.

Мелани развернулась и уставилась на него округлившимися глазами.

– Э-э-э... – Он поднял руки в извиняющемся жесте. – Я просто пошутил.

– Это решение! – воскликнула она. – Ты гений. – Она вскочила и поцеловала его в щеку.

– Да я знаю, – смутился он. – Если тебе снова понадобится моя помощь, ты только скажи. – Он присвистнул и покинул кабинет вместе с Шейлой.

Мелани схватила сотовый и набрала номер своего гинеколога. Минуту повисела в очереди звонков и послушала Conquest of Paradise, пока помощница врача не соединила ее с доктором Хенрайхом.

– Что я могу для вас сделать?

– Доктор Хенрайх, мне нужна ваша помощь.

– Дитя мое, вы знаете, если это в моих силах, я всегда в вашем распоряжении.

Хенрайх был единственным, кому она позволяла обращение «дитя мое» и даже чувствовала себя польщенной. Это был крепкий седой мужчина с отеческими интонациями в голосе, который наблюдал еще ее мать. Помимо собственной практики вот уже много десятилетий он дополнительно несколько часов в неделю работал в больнице.

– Ингрид... – Она осеклась, потому что у нее чуть было не вырвалась фамилия Ингрид по первому браку. – Ингрид Брайншмидт была моей лучшей подругой. Она ведь была и вашей пациенткой.

– Я знаю, дитя мое. Мы с Ингрид часто говорили о вас и

вашей карьере прокурора, но также и вашем муже. Я иногда читаю его судебную колонку в газете, очень любопытно. Вы по-прежнему ездите на озеро нырять, а он все еще сваривает эти странные металлические штуки? Одна даже стоит у меня в клинике.

Мелани знала эту скульптуру, которая выглядела как стельная корова на ходулях.

– Да, он по-прежнему этим занимается. – Мелани сменила тему. – Ингрид умерла год назад.

– Да, очень жаль. Я был чрезвычайно удивлен. Такая хорошенькая с такой маленькой девочкой.

– Якобы у нее были проблемы с сердцем. Но она же всегда была совершенно здорова, помешана на экологически чистых продуктах, питалась одними мюсли, регулярно бегала и не прикасалась ни к сигаретам, ни к алкоголю.

Голос Хенрайха стал серьезным.

– Я чувствую, что-то не дает вам покоя. Что именно?

Старик был не дурак, так что она не стала ходить вокруг да около.

– Я хотела бы взглянуть на медицинскую карту Ингрид.

– Без постановления суда? – буркнул он.

– Я знаю, то, что я требую от вас, не совсем законно, но...

– Дитя мое, – перебил он ее. – Я убежден, что вы поступаете правильно. И если у вас есть обоснованное подозрение, мне этого достаточно.

Она слышала, как он листает ежедневник.

– Сегодня после обеда я в больнице. Перед врачебным обходом у меня будет время, тогда я и найду медицинскую карту Ингрид.

– Спасибо, вы лучший. Только не говорите с главврачом.

– Главврачом? – эхом отозвался Хенрайх. – За кого вы меня принимаете? Но сейчас я должен вернуться к работе, следующая пациентка ждет. – Он окончил разговор.

Мелани медленно опустила сотовый. Она надеялась, что действительно поступает правильно.

13

После курса «Методы розыскной работы» у Сабины был полуторачасовой обеденный перерыв. Однако она отказалась от обеда в столовой и вместо этого поехала в госпиталь Святого Иосифа. Она должна еще раз увидеть Эрика, даже если он по-прежнему в коме; иначе она сойдет с ума.

Сабина протянула санитару свое гостевое разрешение, но тот позволил ей лишь заглянуть в палату Эрика через дверной проем. Сабина рассчитывала, что Эрик все еще находится в искусственной коме, но он лежал с закрытыми глазами в кровати и, похоже, спал. Сердце подпрыгнуло у нее в груди. Значит, ему уже лучше.

– Он больше не в коме? – прошептала Сабина.

Санитар пожал плечами.

– Попробую найти врача. – Он исчез, а Сабина села на

пластиковый стул перед палатой Эрика.

Напротив нее стояли оба сотрудника БКА, которые были назначены охранять Эрика. Один изучал бейдж Сабины, а другой звякал монетами в кармане брюк.

– Я принесу нам кофе, – буркнул он и исчез.

Сабина рассматривала другого парня с короткой стрижкой, который стоял перед дверью, скрестив руки на груди.

– Вы не знаете, Эрик пришел в себя?

– Я не уполномочен...

– Да, ладно, – перебила она его.

Они замолчали. Через несколько минут пришел врач в белом халате, производящий впечатление не совсем трезвого. Возможно, мужчина пил на работе, чтобы во время операции не тряслись руки. У Сабины было впечатление, что она уже видела этого худого мужчину с узким лицом, синими кругами под глазами и покрасневшими белками глаз. Наверное, во время ее первого визита к Эрику, когда она только приехала в Висбаден.

Сейчас мужчина остановился перед ней, протянул руку и представился как доктор Лауренц Белл. «Вот дерьмо! Именно он лечащий врач Эрика». От него пахло ополаскивателем для рта. Наверняка он уже прилично принял на грудь сегодня утром.

Он взглянул на бейдж Сабины.

– Вы Сабина Немез, подруга Эрика Дорфера.

– Да, – сказала она и поднялась. – Мы разговаривали вчера

по телефону.

– Вам повезло, что вы застали меня сегодня. Я бываю в госпитале только два дня в неделю. – Его голос казался вязким и размякшим, словно во рту у него лежал гнилой арбуз.

– В остальное время вы работаете судебным медиком? – предположила Сабина.

Доктор Белл кивнул:

– В Институте судебной медицины при университетской клинике в Майнце. Вероятно, вы в БКА получаете мои медицинские заключения.

Сабина кивнула. Она видела подпись доктора Лауренца Белла на протоколе вскрытия двадцатидвухлетней Катарины, которую разрезали на части на Ваттовом море.

– Непривычно, что судебный медик работает и в реанимации.

– Специалистов по головному мозгу не так много, – ответил он. – У меня лишь несколько свободных минут. Давайте прогуляемся. – Он направился вдоль по коридору, Сабина последовала за ним.

– Вы вывели Эрика из искусственного сна? – спросила она после небольшого молчания.

Глаза Белла нервно задергались.

– Давайте по порядку. Вашего друга привезли сюда на прошлой неделе в ночь с понедельника на вторник. Это была не моя смена, но меня тут же оповестили. Я уже по телефону объяснил вам причины, почему мы прибегли к терапевтиче-

ской гипотермии⁷. Шесть дней он находился в искусственной коме.

– Отцу сообщили?

Белл кивнул.

– Но тот его не навещал.

Что и следовало ожидать! Ограниченный деревенский житель. Он с самого начала был против их отношений и совместной карьеры в уголовной полиции. «Слишком опасно! В худшем случае мои внуки будут расти сиротами». Какой бред! Но в итоге он оказался прав и сейчас получил моральное удовлетворение.

Они подошли к курилке, за молочным стеклом стоял дым.

Белл вошел внутрь.

– Вы ведь не против?

– Нет, – солгала Сабина. Через несколько минут от нее будет вонять как после портового кабака, но, видимо, это единственная возможность поговорить с Беллом.

Врач сунул в рот сигарету и сильно затянулся. Тут же зашелся кашлем – казалось, он в любой момент выплюнет часть лёгкого. Его глаза выпучились еще больше, что выглядело страшновато.

– Хорошая новость... – задыхаясь, продолжил Белл и вытер слезы тыльной стороной ладони. – Отек в головном мозге Эрика спал. Позавчера мы начали выводить его из комы, но фаза пробуждения длится некоторое время. Час назад кол-

⁷ Лечебное воздействие на температуру тела пациента.

лега из отделения неврологии коммуницировал с ним.

Коммуницировал? Сабине стало не по себе.

— А плохая новость?

— Лишь теперь мы можем оценить масштаб повреждения. — Он постучал пальцем по лбу. — Пуля попала в левое полушарие головного мозга, в речевой центр. Ваш друг не может говорить.

Сабине показалось, что Белл дал ей несколько секунд, чтобы переварить информацию. Но она подозревала, что это еще не все.

— Он не может ни читать, ни писать, ни считать, — продолжил Белл.

Комната стала сжиматься вокруг Сабины, и стены грозили вот-вот навалиться на нее. Она оперлась о стол. И попыталась отогнать от себя образ Эрика, лежащего на кровати с перевязанной головой. В следующий момент она снова взяла себя в руки.

— Это ведь можно восстановить?

Белл скривил рот.

— Такое нарушение речи называется афазия. При правильной терапии, возможно, он снова овладеет многими навыками.

Возможно!

Сабина покосилась через стеклянную дверь в коридор, где находилась палата Эрика.

— Когда я могу с ним...

Белл покачал головой:

– Ваши коллеги из БКА хотели допросить его сегодня утром, но когда Эрик осознал, что не может ни говорить, ни писать, он так разнервничался, что нам пришлось дать ему сильное успокоительное.

Сабина вопросительно посмотрела на него.

– Лоразепам. Мы должны были действовать быстро, пока он не начал буйнить, – добавил Белл. Это прозвучало как оправдание. – В настоящий момент он спокойно спит.

После очередного приступа кашля Белл, очевидно, заметил ее вопросительный взгляд и решительность.

– Больше я ничего не могу сказать вам в данный момент. – Он затушил сигарету. – Хотите на минуту зайти к нему?

Сабина кивнула. Белл отвел ее к палате Эрика, переговорил с полицейскими, которые стояли в коридоре и пили кофе, и затем открыл Сабине дверь.

– Одну минуту! – напомнил он ей и попрощался.

Сабина вошла в палату, закрыла за собой дверь и села на кровать Эрика. Он спокойно и ровно дышал, но его веки нервно подрагивали, словно его мучали ужасные кошмары.

«Ты видел, кто в тебя стрелял, верно?»

Она взяла его за руку. Его пальцы были холодными.

– Я с тобой, – прошептала она. – Когда ты выздоровеешь, мы попробуем еще раз, дадим нашим отношениям еще один шанс. Мы могли бы поискать квартиру. Я останусь здесь следующие два года. А когда окончу академию, мы с тобой ста-

нем коллегами. Твой отец будет беситься, но с другой стороны... – «Он даже не приехал к тебе», – мысленно добавила она.

При виде его перевязанной головы Сабина сглотнула комок в горле. Хотя бы Эрик смог, как раньше, говорить, шутить и смеяться над ее *Jo mei*. Она не должна думать о том, что теперь он, возможно, стал калекой.

Может, покушение на Эрика никак не связано с его расследованием дела Centipede или убийства на Ваттовом море. Возможно, он выяснил что-то совершенно другое?

– Почему ты не говорил со мной об этом? – прошептала она. Или он рассказал бы, не порви она с ним отношения?

Пока он не восстановится, никто не узнает правду. Очевидно только одно: кто-то пробрался ночью в здание БКА, чтобы отомстить Эрику или заставить его молчать.

Она пожала его руку.

– Клянусь тебе, я найду его.

Сабина припарковалась на территории кампуса. У нее оставалось еще полчаса до начала следующего занятия. В квартиру Эрика ее не пустят, как и в его кабинет, который сейчас является местом преступления. Кроме того, Снейдер ни за что не скажет ей, с какими коллегами Эрик контактировал в последнее время. У нее, студентки без прав, были связаны руки, и она чувствовала себя бессильной, но все равно не могла забыть обо всем и делать вид, что все отлич-

но. Иначе она просто не выдержит.

Голос Маттиаса Швайгхёфера все еще раздавался из CD-проигрывателя, но Сабина больше не слушала. В ее голове зрел план, который, словно маленькими крючками, цеплялся за извилины мозга. Она хотела проверить, существует ли связь между делом «Многоножка» и случаем на Северном море. Возможно, за всем этим стоит один и тот же преступник, который копирует определенный способ совершения убийства, чтобы подозрение пало на другого человека. Это был эфимерный след; Сабине нужно было найти другие нераскрытые убийства, которые вписывались бы в данную схему. Потому что убийца, возможно, начал действовать давно. Но у нее не было доступа к онлайн-архиву БКА, где можно найти все дела. С ума можно сойти! Когда она служила в мюнхенской полиции, у нее и то было больше прав, чем сейчас.

Но существовала и другая возможность: как только расследование по какому-либо делу закрывалось, соответствующие материалы распечатывали, нумеровали, подшивали и отсылали в суд – и копия каждого документа направлялась в архив.

Когда Сабина покинула парковку кампуса и направилась на Таерштрассе, из подземного гаража выехали три машины мобильного оперативного отряда. Сабина дождалась, когда проедет колонна, и поспешила вверх по ступеням к главному

входу в здание БКА. Она через стекло показала вахтеру свой пропуск и, миновав турникет и сотрудников из внутренней службы безопасности, направилась к лифтам. Ожидая кабину, она изучала информационное табло. Архивный отдел находился на самом нижнем этаже, на одном уровне с подземным гаражом.

Спустя минуту она была внизу. Неоновые лампы освещали коридор. Дверь в архив была открыта. В нос ударил типичный библиотечный запах старой пожелтевшей бумаги. За компьютером сидела женщина. У нее за спиной начинался лабиринт из десятков коридоров и высоченных, до потолка, оранжевых стеллажей для хранения документов. Сабина была ошеломлена. «А чего ты ожидала? Два, три дела на блюде?» С учетом 320 000 новых уголовных дел ежегодно, эта невероятная библиотека в массивных шкафах не могла выглядеть иначе.

– Добрый день! – крикнула женщина.

– Простите? – Сабина рассматривала сотрудницу с седыми волосами, которая тоже оторвала взгляд от компьютера, сняла очки для чтения.

– Чем могу вам помочь?

– Я хотела бы просмотреть материалы по всем случаям убийств, которые за последние пять лет направлялись в суд.

– Больше ничего не хотите? – с усмешкой ответила женщина. – Может, чашку капучино?

– Я... э-э-э...

– Девушка, – более строгим тоном произнесла женщина. – Это место похоже на справочное бюро? Если у вас есть необходимые полномочия, сделайте онлайн-запрос, и мы вышлем вам все необходимое в формате PDF.

– Я хотела бы...

– А я хотела бы на досрочную пенсию. – Женщина опустила взгляд, нацепила очки и продолжила печатать на клавиатуре.

Почему эта стерва такая вредная? Потому что заметила у Сабины студенческий пропуск?

– А я не могу?..

– Нет, не можете! – отрезала женщина, не поднимая глаз. – У студентов нет доступа к архиву; еще чего не хватало, пусть даже это высокоодаренные молодые кадры. – Она презрительно подняла одну бровь.

Все-таки в этом дело!

– Спасибо. – Сабина хотела уже повернуться, чтобы уйти, как услышала за спиной скрипучий голос:

– Я сейчас слышал что-то о высокоодаренных молодых кадрах?

Она обернулась и уставилась в морщинистое лицо с повязкой, закрывающей один глаз. В проходе стоял Конрад Весели. Сабина отступила в сторону, после чего он прошел в архив и положил даме на стол папку.

– С этим я закончил, можно сканировать. – Потом он обратился к Сабине: – А вы что здесь делаете? Всегда усердная

и целеустремленная, как пчелка?

– Я хотела просмотреть некоторые подшитые судебные акты, – ответила Сабина. Ее бросило в жар, потому что она поняла, как наивно и глупо это звучит. На неизбежный вопрос, зачем ей это нужно, она даже не успела бы придумать более или менее правдоподобный ответ. Но Вессели не спросил. Он отвел ее в сторону и понизил голос:

– Вы знаете, почему архив находится на самом нижнем уровне?

– Потому что здесь самая низкая вероятность пожара?

Он помотал головой:

– Потому что здесь мы стоим на двойной сталебетонной платформе. Документы весят столько тонн, что проломили бы любой этаж в здании. – Он внимательно посмотрел на нее. – Как вы думаете, сколько лет вам понадобится, чтобы просмотреть все эти документы?

Он ее за дуру держит?

– Я ищу только определенные убийства.

– Вы же знаете, что расследование убийств – это дело федеральных земель. Нас привлекают только в отдельных случаях.

Похоже, он считал ее невероятно тупой. После стольких лет в полиции ей не нужно это объяснять.

– Меня интересуют особые случаи, расследованием которых занималось БКА.

– Я полагаю, вы знаете, что делаете. – По тону Конрада

Вессели было ясно, что он улыбается про себя.

Он быстро взглянул на сотрудницу архива, которую заметно раздражал их разговор в дверях, но при этом она не решалась сделать замечание Вессели.

Он снова понизил голос.

– Я делаю вам предложение. Вы можете запрашивать подшивки документов от моего имени, однако при условии, что поможете мне с архивированием моих бумаг.

– Когда и как долго?

– А вы, я смотрю, не любите мешкать? – Он усмехнулся. – Сегодня вечером, после вашего последнего занятия. Скажем, два часа.

– Договорились! – ответила Сабина.

Он вырвал лист из своего блокнота, достал из нагрудного кармана перьевую ручку и записал адрес.

– Скажем, в восемь вечера. – И сунул листок ей в руку.

Там было написано:

«Кройцбергштрассе-ам-Зонненберг, 12».

Пока Сабина убирала листок в карман, Вессели обратился к даме:

– Позвольте молодой коллеге поработать часок в архиве и выдайте ей все документы, которые она попросит.

Женщина сняла очки и слащаво заулыбалась.

– Само собой разумеется, господин Вессели. С огромным удовольствием, вы же знаете.

– Конечно, знаю. – Вессели подмигнул ей, а потом исчез

в проходе.

В тот же момент лицо стервы снова стало суровым.

– Но срочно и немедленно не получится. – Она щелкнула пальцами. – Потому что сейчас у меня обед.

– Я не против. – Сабина посмотрела на часы. Следующий курс занятий все равно начинается через несколько минут. – Я приду ближе к вечеру.

И уж тогда она возьмет старую перечницу в оборот.

14

Факс в кабинете Мелани затрещал. Прихлебывая какао из чашки, она взяла первый лист.

«Дорогая коллега, высылаю вам мой план дежурств на следующую неделю», – было написано на бумаге неровным почерком. Какой еще план дежурств? Она тут же отставила чашку и схватила остальные листы.

Факс пришел из больницы Вены и был подписан «Доктор Хенрайх». Тут до нее дошло. Врач иногда производил впечатление дряхлого старика, но на самом деле оказался хитрым лисом, который не терял времени даром. Разумеется, на последующих страницах был никакой не план, а медицинская карта Ингрид, которую доктор Хенрайх отправил ей по факсу прямо из больницы.

Мелани углубилась в документы, по привычке автоматически выделяя самые важные места желтым маркером. В

последний год жизни мать Клары страдала от сильных головных болей, у нее были нарушения равновесия, тахикардия, проблемы с обменом веществ, катаракта и шум в ушах. Мелани задумчиво повертела маркер между пальцами. Этот коктейль из симптомов не имел никакого смысла.

После того как факс выплюнул последний лист, зазвонил мобильный. Доктор Хенрайх.

– Вы получили мой план дежурств?

– Да, спасибо, все пришло, семь страниц.

– Хорошо, – пробормотал он. – Я дождусь подтверждения, а потом мне нужно на обход. – Он медлил и тянул время, потом понизил голос. – Ваша подруга умерла в больнице, вы знаете, что это означает?

Мелани понимала, к чему он клонит.

– Это значит – автоматически была проведена аутопсия.

– Я об этом и говорю. – Он сделал паузу. – Я смог заглянуть в онлайн-архив. В ее теле было полно опухолей.

– Рак?

– В начальной стадии, но она умерла не от этого. У нее отказали органы.

– Но почему?

– Истинной причины, похоже, никто не знает. Официальная формулировка: сердечная недостаточность.

Это Мелани уже знала.

– Что вы обо всем этом думаете?

Доктор Хенрайх вздохнул.

– Честно говоря, я понятия не имею. Из нас двоих вы детектив. По какому бы следу вы ни шли, не бросайте его. Мне пора, удачи. – Он закончил разговор.

Мелани нуждалась в свежем воздухе. Она покинула кабинет и вышла на террасу. Было три часа дня. Она еще не обедала, в желудке уже урчало, но аппетит полностью пропал. Мелани прогулялась к берегу, ступила на деревянный помост и прошла до самого конца причала, где на волнах танцевал гидроцикл Герхарда. На бензобаке был приклеен зеленый смайлик.

Так как озеро являлось природоохранной зоной, использование моторных лодок было запрещено, но Герхард в порядке исключения получил разрешение на двигатель своего гидроцикла, потому что доставал со дна озера железный лом и разную рухлядь – что, конечно, не нравилось их соседям. Но невозможно считаться с каждым недовольным старпером.

В нескольких сотнях метров находились парусная школа и яхтклуб. А за ними – апартаменты и летние квартиры. Сейчас в некоторых домах еще живут, но к середине октября все изменится. Осенью в городке Нойзидль-ам-Зе жуткая скука-тища.

Мелани подумала об Ингрид. Почему она никогда не звонила подруге в последние годы? Одного раза было бы достаточно, чтобы узнать, все ли у той в порядке. Она могла бы пригласить Ингрид, Клару и, возможно, Рудольфа к себе

на озеро. Герхард легко общался с малознакомыми людьми. Мужчины могли бы осмотреть мастерскую Герхарда, пока они с Ингрид пили бы айс-кофе на террасе, а Клара играла бы с Шейлой на берегу. Но сейчас бессмысленно думать о том, что можно было сделать иначе. «Если бы у моей тети были усы, то она была бы моим дядей» – одна из дурацких прибауток Герхарда.

Мелани скинула туфли, закатала штанины, села на причал и опустила ноги в воду. Какая-то семья проплывала в байдарке мимо их участка. Девочки на задней лавке помахали Мелани рукой, она помахала им в ответ. Затем набрала на мобильном номер суда и попросила соединить ее с дежурным судьей.

– О каком деле идет речь? – пробурчал Хиршман в трубку.

– Дело Клары Брайншмидт.

– А, да, девочка, которая пропала год назад. Как продвигается расследование?

– Возможно, это дело гораздо обширнее, чем мы предполагали вначале. Похищение Клары может быть связано с двумя другими девочками, чьи трупы были обнаружены в Венском Лесу.

– Двумя?

Мелани рассказала ему о последней находке у источника Агнессы, а потом вернулась к делу Клары.

– Ровно за неделю до исчезновения девочки ее мать умирает в больнице при странных обстоятельствах.

– Что значит – странных?

Мелани перечислила факты, и Хиршман постарался не допытываться, откуда у нее эта информация. Он знал о ее своеобразных методах, с помощью которых она иногда добывала доказательства.

– Единственное связующее звено между почти одновременными драмами со смертью Ингрид и исчезновением Клары – ее приемный отец.

– К чему вы клоните?

«Он имеет какое-то отношение к этим событиям!» Но Мелани остерегалась высказать вслух такое предположение. Только по существу!

– Я хотела бы запросить ордер на обыск дома Клары.

– Я вас умоляю, – вырвалось у судьи Хиршмана. – Разве отец был в списке подозреваемых тогда? Или, может, сегодня?

– Нет, – нехотя признала она. – Но, согласно уголовно-процессуальному праву, дом необвиняемого тоже может быть...

– Если есть повод полагать, что там находятся улики, – перебил ее судья. – У вас имеются конкретные подозрения?

– Нет, но я предполагаю...

– Предположений мне недостаточно. Мне нужны убедительные причины. – Хиршман принялся что-то печатать на клавиатуре. – Между прочим, обыск дома год назад не дал никаких результатов, – пробормотал он. – Что вы сейчас на-

деетесь там найти?

– Татуировочное оборудование или потайной подвал.

Хиршман сочувственно рассмеялся.

– Оставьте мужчину в покое и уважайте его права. Он достаточно пережил за последний год. Кроме того, я не хочу, чтобы полиция перерывала комнату девочки у нее на глазах.

– Клару ведь отпустят из больницы только через неделю, а до того...

– Девочка уже сегодня поедет домой, – заявил Хиршман.

– Что? – вырвалось у Мелани. – Кто так распорядился и почему я ничего об этом не знаю?

– Полагаю, это было решение главврача по настоянию отца Клары. Он говорил со мной.

– Брайншмидт говорил с вами? – Мелани почувствовала себя абсолютно беспомощной.

– Все-таки у него есть право видеть свою дочь.

«Приемную дочь», – мысленно поправила его Мелани. Но этот маленький нюанс не играл для суда никакой роли.

– Когда он заберет ее?

– Думаю, через час, когда сделают последнюю компьютерную томографию.

Мелани взглянула на наручные часы.

– Если вы не возражаете, я возьму это на себя и отвезу Клару домой.

– Как хотите... но не забывайте, что этот мужчина не является подозреваемым.

– Конечно, ваша честь.

Мелани надела туфли и побежала по причалу к дому, где схватила бумажник и ключ от автомобиля. Рудольф Брайншмидт перехитрил ее со всех сторон. Но она так просто не сдастся, это ее долг перед Кларой. Девочка еще не оправилась от психологической травмы и была не готова вернуться в свое привычное окружение.

Когда она бежала к машине, из мастерской вышел Герхард.

– Ты куда? – крикнул он через участок.

– К Кларе – я позвоню тебе по дороге. – Она запрыгнула в машину и захлопнула за собой дверь.

К тому же она и без разрешения суда сможет заглянуть в дом своей умершей подруги, где Брайншмидт живет припеваючи.

15

Сабина ушла с послеобеденного занятия чуть раньше и ровно в шестнадцать часов стояла перед архивом.

Седая стерва в очках для чтения впустила ее.

– Конрад Бессели сказал один час, не дольше!

Сабина кивнула.

– И к тому же мне некогда возиться с вами и доставать документы. С завтрашнего дня я в отпуске, и мне нужно еще

много чего успеть.

Сабина попыталась оставаться дружелюбной.

– И куда вы поедете?

– На Майорку.

«Ага, вечеринки... Отпуск одинокой валькирии в клубе».

Женщина кивнула на письменный стол.

– Сами ищите номера дел вон на том компьютере. – Она посмотрела на часы. – У меня дела.

То, что должно было прозвучать как грубый отказ, вполне устроило Сабину. Все равно эта женщина только мешала бы ее поискам.

Сабина подошла к компьютеру и сразу заметила, что предыдущий пользователь не вышел из системы по обработке запросов. Она не могла поверить своему счастью. С этой версией можно даже начать поиск полных текстов. Она немного подумала и выбрала классический поиск по внутренним базам данных. Сначала она искала все нераскрытые дела за последние пять лет. Потом отфильтровала те, в которых был подозреваемый, но из-за ошибочных или недостаточных улик его оправдали или до предъявления обвинения дело даже и не дошло. Девять случаев!

Массивные оранжевые стеллажи на колесиках доходили до потолка и стояли вплотную, так что между ними не мог протиснуться ни один листочек. Сабина нашла соответствующий шкаф, потом поворачивала рычаги других стеллажей, которые заскользили по специальным рельсам на полу, пока не

образовался коридор в блоке с нужными номерами. Работа была утомительная, и теперь Сабина поняла, почему старая стерва не захотела ей помогать.

Вскоре она просмотрела первые восемь подшитых досье. Ни над одним из этих дел Эрик не работал. Только на девятом она наткнулась на его фамилию. Сабина внесла номер дела в онлайн-систему под именем Бессели и хотела уже покинуть архив, как ведьма ее остановила:

– Когда я увижу документы снова?

– Когда вернетесь из Балермана⁸.

С бумагами под мышкой Сабина направилась через столовую к себе в квартиру. У нее было еще полчаса до начала следующего курса. Сегодня вечером в расписании стояло только «Обнаружение ошибок и их причин в расследовании».

– Белочка! – крикнул кто-то через весь зал.

Она узнала голос Шёнфельда. Только его не хватало! К тому же краем глаза она заметила, что Мистер Супермозг сидит за столом не один, а как минимум с еще двумя гениями. Гомез и Майкснер попивали с ним послеобеденный кофе... Дьявольское трио, навсегда вместе. Тины и след простыл. Похоже, она уже сторонилась этой группы. Мудрое решение! Сабина прошла мимо их стола.

– Что ты там тащишь, заучка? – спросил Шёнфельд.

⁸ Балерман – тусовочное место на Майорке, очень популярное у немецкой молодежи. Также название одноименного бара и стиля отдыха в целом.

– Это судебное дело из архива, – ответила за нее Майкснер. – Как ты его достала?

Сабина остановилась.

– Я же заучка.

– И что ты собираешься с этим делать, Элли Макбил?⁹

– Вместо того чтобы фантазировать, тебе следует вернуться в реальность. – Гомез симитировал голландский акцент Снейдера и кивнул в сторону раздачи.

Сабина обернулась и увидела Снейдера, который стоял, прислонясь к прилавку, и печатал в смартфоне.

– Заказал себе чайник ванильного чая, – прокомментировал Шёнфельд. – Возможно, в этом чае и заключается секрет его высокой раскрываемости преступлений.

– Он просто ненормальный! – возразил Гомез. – Когда он был младенцем, ведьмы склонились над его колыбелью и наделили его этим темным даром... или что-то вроде того.

– У вас обоих не все дома, – заявила Майкснер. – Судья Ева-Мария Ауерсберг сказала о нем, что он мыслит намного масштабнее всех остальных.

– Откуда ты это знаешь?

– Если бы ты посещал добровольные мероприятия, тоже бы знал. Она приглашенный доцент в Академии и, похоже, хорошо знает Снейдера. Просто он умеет поставить себя на место извращенцев с большим мозгом лучше, чем другие.

⁹ Элли Макбил – героиня одноименного американского комедийного телесериала о буднях молодой девушки-адвоката.

Шёнфельд пристально посмотрел на Сабину.

– Это правда?

Вот, значит, почему они вдруг захотели поговорить с ней.

– Кто из нас гений, ты или я? – ответила Сабина.

– Все-таки в прошлом году вы вместе с ним расследовали одно дело. Какой он вообще?

Было и так понятно, что рано или поздно они это выяснят. Гомез и Майкснер с нетерпением смотрели на нее.

– Без понятия, – ответила она.

– Тише, он смотрит в нашу сторону, – пробормотала Майкснер.

В этот момент дверь распахнулась, и несколько мужчин с короткими стрижками, в сапогах, черной форме и кевларовых жилетах прошагали через столовую. Перед зданием стояла машина мобильного оперативного отряда.

– Начальника группы я знаю. Это Ломан, – заявил Шёнфельд. – Ему подчиняются внутренняя служба безопасности и мобильный оперативный отряд. Они целый день патрулируют Висбаден. Видимо, нервничают из-за того, что в Дорфера недавно стреляли, и из-за предстоящего празднования шестидесятилетия в Рейн-Майн-Халле.

Проходя мимо Снейдера, мужчины коротко подняли руку в знак приветствия. Снейдер молча кивнул в ответ. Женщина за прилавком протянула ему чайник. Тот, кого Шёнфельд назвал Ломаном, остановился рядом со Снейдером. Они быстро переговорили, Ломан улыбнулся и похлопал

Снейдера по плечу.

– Итак, Белочка. Ты же знаешь Снейдера. Какой он? – повторил Шёнфельд.

– Спроси своих друзей из оперативного отряда. – Сабина взяла свои бумаги и покинула столовую.

Она вошла в свою комнату, бросила документы на кровать и тут заметила, что кто-то положил ей на стол конверт. В остальном в комнате все оставалось по-прежнему. Это на тему личного пространства в здании, где в каждом углу висит видеокамера! Она разорвала адресованный ей конверт и вытащила открытку. Президент Дитрих Хесс приглашал во вторник, десятого сентября, на празднование шестидесятилетия Федерального ведомства уголовной полиции в Рейн-Майн-Халле. Роскошное торжественное приглашение с факсимильной подписью Хесса. «Начало 19:00. Дресс-код: деловой стиль». Ожидалось несколько тысяч гостей. После вручения почетных значков был запланирован фуршет, а затем неофициальная часть с выступлением музыкальной группы.

Сабина задалась вопросом, почему Хесс просто не вычеркнул студентов Снейдера из списка гостей. Но не стала думать об этом и сунула приглашение в ящик стола. На комоде стояла фотография ее мамы в темно-синем блейзере и элегантной шляпе, которая была сделана незадолго до ее смерти. Рядом Сабина поставила фотографию сестры и трех

племянниц, которая всегда поднимала её настроение: девочки с растрепанными светлыми волосами и образцовой улыбкой «от уха до уха». Частица родного дома.

Сабина сварила себе кофе и села с документами на балконе. СМИ дали преступлению название «Дело каннибала». В августе два года назад в маленьком местечке Кильбург в районе Айфель был зафиксирован таинственный смертельный случай, и прокуратура привлекла к расследованию БКА. Тридцатилетнего гомосексуалиста усыпили в пансионе пачкой снотворного, а затем перенесли в чужую комнату. На протяжении пяти дней его насильно удерживали там, в конце концов он был частично съеден и умер. Она правильно прочитала? «Частично съеден?» Бедро, предплечья и внутренности. Сабину затошнило. Фотографии из отчета судмедэксперта были ужасны и придавали понятию «пансион с завтраком» новое жуткое значение.

Эрик выяснил, что почти за год до происшествия некто забронировал по телефону эту комнату на неделю. Женственное лицо убитого показалось Сабине знакомым. Это оказался телевизионный ведущий, он был женат и хотя до самой смерти так и не совершил каминг-аут, но интенсивно контактировал в Интернете с некоторыми мужчинами, заинтересованными в антропофагии, то есть каннибализме.

Но все-таки он ушел из жизни не добровольно, потому что его усыпили, связали, заткнули рот кляпом и частично съели, пока он еще был жив. Ни другие гости, ни владель-

цы пансиона не заметили, что происходило в комнате номер одиннадцать с чудесным видом на горы на протяжении пяти дней.

Однако самым ужасным Сабине показалась написанная от руки записка, которая висела на шнуре на шее жертвы. «Стол накрыт, блюдо сидит напротив вас».

Сабина закрыла папку и уставилась вниз на город у подножия горы Гайсберг. К своему уже остывшему кофе она не притронулась.

В первых двух случаях использовали рогипнол и хло-роформ, здесь снотворное. Там скальпель и складной нож, здесь электрический нож для хлеба. Берлин, Северное море и Эйфель.

Есть ли между этими тремя преступлениями какая-то связь? Способ убийства, как и выбор жертвы были разными: состоятельная семья, племянница австрийского дипломата и сейчас телевизионный ведущий. Однако бросалось в глаза, что убийства были совершены с интервалом примерно год.

Кроме того, имелись и другие параллели: подозреваемого также посадили в следственный изолятор. Многие улики указывали на то, что преступление совершил кёльнский бухгалтер, занимающийся составлением балансов, Хельмут Прёлль. У него был определенный опыт общения в данных кругах, он контактировал с убитым и не мог предъявить алиби на время совершения преступления. Среди документов Сабина нашла психологическую экспертизу, составленную

Бессели. В ней говорилось, что хотя у Прёлля наблюдались гомосексуальные и каннибальские склонности, он абсолютно не разбирался в медикаментах, тем более не знал, как их дозировать. Кроме того, щедедушный Прёлль ни за что не смог бы перетащить ведущего на третий этаж пансиона. Экспертиза Бессели сняла подозрения с Прёлля, и дело против него было прекращено.

Но была еще одна общая черта! Сабина обратилась к медицинскому заключению. В качестве судмедэксперта делом снова занимался доктор Лауренц Белл.

Настоящий преступник и здесь оставил фиктивные следы, чтобы главным подозреваемым стал невиновный? На этот раз голубой бухгалтер? Или она действительно гоняется за фантомом, как утверждал Снейдер? Если нет, то речь может идти только об исключительно изощренном убийце, который оставлял места своих преступлений в таком виде, что очевидного сходства между ними не прослеживалось, и его невозможно было заподозрить. Как давно он играет в эту игру? Сколько убийств на его счету и сколько невиновных людей сидит из-за него в тюрьме?

Но если это была цель, то его усилия не принесли плодов – по крайней мере, в этих трех случаях, потому что никто из подозреваемых не был осужден. Или гений вовсе и не хотел, чтобы кого-то посадили в тюрьму? Все это сбивало с толку.

Сабина поднялась и вылила холодный кофе в горшок с пальмой юккой рядом с балконной дверью. Следующий курс

вот-вот начнется. Она собрала бумаги, вышла из комнаты и сунула магнитный ключ в карман брюк. При этом наткнулась на листок Вессели с адресом архива, где они должны были встретиться сегодня вечером.

Она подумала о психологической экспертизе в деле о каннибале. И неожиданно поняла, что встреча с Вессели не так уж некстати.

16

Из близлежащего леса доносился хвойный запах. За последние годы здесь ничего не изменилось. Родительский дом Ингрид стоял в конце проселочной дороги, которая носила характерное название Лесной переулок. Уже в нескольких сотнях метров находилась первая кормушка для косуль, которые осенью часто подходили достаточно близко к поселку. Мелани почти не узнала здание с небольшим садиком. Одноэтажный дом на одну семью был перекрашен в желтый цвет, а чердак переделан в жилую мансарду со слуховыми окошками.

Дверь открылась, и на пороге появился Рудольф Брайншмидт.

– Папа! – Клара выронила мягкую игрушку, побежала мимо Мелани и бросилась к своему приемному отцу. Мелани рассчитывала на что угодно, только не на это.

Он подхватил ее и прижал к себе, как родную дочь. У

Брайншмидта по щекам даже потекли слезы.

— О господи, малышка!

Он выглядел точно таким же, каким Мелани его помнила: худощавый мужчина с глубоко посаженными глазами, черными редеющими волосами. Последние три года не прошли для него бесследно. На висках появилась седина, а сквозь волосы просвечивала кожа головы.

При виде Брайншмидта Мелани начала сомневаться в своих негативных суждениях о нем. Возможно, это лишь предрассудки, которые она сохраняла и развивала в себе все эти годы? Может, он стал заботливым отцом для Клары? Хотелось бы в это верить.

Но он был расчетливым и умел ловко манипулировать людьми. Он познакомился с Ингрид в Интернете, быстро ее обработал и уже после третьего свидания переехал к ней со всеми вещами. Уже после второй встречи Клара должна была называть его отцом, словно родного отца никогда не существовало. Как Ингрид могла так поступить со своей дочерью?

Мелани осознала, что ее внутренняя ярость направлена исключительно против лучшей подруги. Но было еще кое-что другое, заставившее ее тогда насторожиться. Брайншмидт уже был один раз женат и после смерти своей жены получил приличную сумму денег. Какого черта, его магазин электротоваров приносил ему хороший доход. Наследство и выплата по страховке обеспечили ему будущее. А теперь он

живет в милом, опять же полученном по наследству домике на краю Венского Леса.

– Спасибо, что привезла мне Клару. Мы ведь уже знакомы, верно?

Вопрос вывел Мелани из задумчивости.

Брайншмидт опустил Клару на землю, заправил черную водолазку в джинсы и протянул Мелани руку. Его пальцы были холодные и узловатые.

– Была рада помочь. – Она с неприятием вспомнила, что они с Брайншмидтом на ты.

– Но это было не обязательно.

– Конечно, обязательно, – возразила Мелани. – Из соображений безопасности так лучше.

– Понимаю. – Он сунул руки в карманы брюк. – Я бы с удовольствием пригласил тебя зайти, но обещал Кларе, что мы поедем в магазины.

– В магазины? Сейчас? – Она взглянула на часы. Было около семи.

– Нам нужно поторопиться. У меня дома ничего нет. Ей нужна зубная щетка, пижама и новая одежда.

Между тем Клара протиснулась мимо Брайншмидта и пробежала в дом. Мелани слышала, как она шумно поднималась и спускалась по лестнице и открывала все двери.

Брайншмидт, улыбаясь, пожал плечами.

– Она возбуждена, это понятно.

– Она ищет свою мать, – серьезно сказала Мелани.

– Ингрид умерла больше года назад.

– Для Клары она умерла за неделю до похищения, – напомнила она Брайншмидту. – Затем Клара год провела в аду. Она не была на похоронах своей матери и не имела возможности осмыслить эту драму.

«А ты хочешь ехать покупать с ней зубную щетку!»

– Я слышал, у нее что-то со спиной...

– Ей срочно нужна психологическая помощь, – перебила его Мелани.

– Я знаю, психологическую травму нужно преодолеть.

– Мы еще не готовы. Мы даже не знаем, о какой травме идет речь.

– «Мы»? – эхом повторил Брайншмидт. – Ты здесь не в качестве тети Клары? Ты здесь потому, что...

– Потому что я веду расследование, да.

– Понятно. – Брайншмидт изучал ее. – Поэтому ты хочешь попасть в дом. – Его брови нахмурились.

Вот оно, это старое чувство! Расчетливый взгляд Брайншмидта. Он мысленно вскрывал, как патологоанатом, психику окружающих – в поисках слабого места, куда он легко мог бы запустить свой крючок.

«Что ты скрываешь?»

– Я просто хотела бы попрощаться с Кларой, о'кей? – холодно произнесла она.

– Пожалуйста... Клара! Тете Мелани, к сожалению, уже пора идти.

Клара сбежала по лестнице и примчалась к двери. Мелани все еще стояла на пороге. Она подняла плюшевую собаку и сунула ее Кларе в руки.

– Хорошо присматривай за Феликсом.

Клара кивнула. И вдруг схватила Мелани за руку.

– Идем! – Она потянула Мелани через прихожую на кухню.

– О, Клара! – запротестовал Брайншмидт. – Тетя Мелани должна ехать, а мы хотели купить для тебя пару новых вещей.

– Сейчас.

В кухне вообще не пахло, словно в этом доме уже много месяцев ничего не готовили. На столе не было даже солонки. Наверняка холодильник и шкафы тоже пустые. В доме конечно же нет даже молока, чтобы сварить какао или приготовить мюсли для Клары.

Клара посадила Феликса за стол на угловой диванчик, так чтобы он видел опушку леса через террасную дверь. Солнце уже опустилось за деревья, и оранжевый свет пробивался сквозь ветви.

Брайншмидт тоже вошел на кухню, и у Мелани было чувство, что он пристально следит за каждым ее движением.

– Это его любимое место? – спросила она.

Клара не ответила. Вместо этого подняла висячие уши пса так, чтобы тот казался больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.